

ЗАБВЕНИЕ

Бекка Фитцпатрик

Третья книга знаменитой саги «О чем молчат ангелы»

Annotation

Нора Грей не помнит последние пять месяцев своей жизни. Имя и образ ее неземного возлюбленного также стерлись из ее памяти.

Понемногу все налаживается. Вопросы сменились ответами. Но что делать с видениями ангелов и иных фантастических существ, которые вспышками заполняют ее мозг?

И кто этот незнакомец, что знает о ней все? Норе кажется, что она уже готова влюбиться в него, как она никогда ни в кого еще не влюблялась!

Но, может, она ошибается?

Читайте третью книгу знаменитой саги «О чем молчат ангелы».

Бекка Фитцпатрик

Забвение

* * *

*Райли и Джейс.
Целую.*

Блестящая черная «ауди» въехала на стоянку у кладбища, но ни у одного из троих сидящих в машине мужчин не было намерения почтить память усопших. Уже наступила полночь, и ворота кладбища были закрыты. Все вокруг покрывала таинственная мрачная дымка – летний ночной туман напоминал толпу восставших из могил призраков. Даже луна, вернее узкий серп прибывающего месяца, была похожа на чей-то прищуренный глаз. Еще не успела осесть дорожная пыль у колес автомобиля, как водитель, выскочив из машины, поспешил открыть две задние двери.

Блейкли вышел первым. Высокий, седовласый, с квадратным, грубым лицом. На вид ему было около тридцати – по человеческим меркам, но по меркам нефилимов лет ему было куда больше.

За ним вышел нефилим по имени Хэнк Миллар. Хэнк, тоже очень высокий, с длинными светлыми волосами, цепкими голубыми глазами, выглядел очень привлекательно и харизматично. Его жизненным кредо было «Закон превыше милосердия», и именно это, вкупе с его быстрым недавним взлетом на вершину пирамиды власти в мире нефилимов, обеспечило ему прозвища «Кулак Правосудия», «Железный Кулак» и самое известное – «Черная Рука». Среди соратников он считался лидером, спасителем. Но в более узких кругах его шепотом называли «Кровавой Рукой» и считали вовсе не избавителем, а, скорее, безжалостным диктатором. Хэнк находил подобную нервную болтовню забавной: настоящий диктатор обладает абсолютной властью и не терпит оппозиции. В будущем он собирался вполне оправдать все их ожидания.

Хэнк закурил и глубоко затянулся:

– Мои люди готовы?

– Десять человек в лесу над нами, – ответил Блейкли. – Еще десять – в машинах у обоих выходов. Пятеро рассредоточены по позициям на кладбище, трое – у дверей склепа, двое – у забора. Больше нельзя, или мы себя обнаружим. Не сомневаюсь, что тот, с кем вы встречаетесь сегодня, тоже придет не один.

Хэнк улыбнулся в темноту:

– О, в этом я очень сомневаюсь.

Блейкли моргнул:

– Вы вызвали двадцать пять лучших боевых нефилимов, чтобы встретиться с одним человеком?

– Он не человек, – напомнил Хэнк. – И я не хочу, чтобы что-то сегодня пошло не так.

– У нас Нора. Если начнутся проблемы, просто дайте ему поговорить с ней по телефону. Говорят, ангелы не могут чувствовать прикосновения, а вот эмоции – это дело другое. Я уверен, он кое-что почувствует, когда она будет кричать. Там с ней Даггер, и он готов действовать.

Хэнк повернулся к Блейкли и окинул его оценивающим взглядом с ленивой ухмылкой:

– За ней приглядывает Даггер? Он же совершенно чокнутый.

– Вы говорили, что хотите сломать ее.

– Именно это я и имел в виду, не так ли?

Хэнк задумался. Прошло всего четыре коротких дня с тех пор, как он поймал ее в сарае Дельфийского парка аттракционов, но он уже очень хорошо представлял, какие именно уроки она должна усвоить. Во-первых, никогда не подрывать его авторитет перед его собственными людьми. Во-вторых, не забывать о своей принадлежности к нефилимам и хранить им преданность. И наверное, самое важное: проявлять уважение к своему собственному отцу.

Блейкли протянул Хэнку небольшое устройство с кнопкой посередине, которая слегка поблескивала загадочным синим светом:

– Положите это в карман. Нажмите на синюю кнопку, и ваши люди выйдут из своих укрытий.

– Он заряжен дьявольской силой? – спросил Хэнк.

Его собеседник кивнул:

– После активации оно на время обездвижит ангела. Я не могу сказать точно на сколько. Это тестовый вариант, и я еще толком не испытывал его.

– Ты говорил о нем кому-нибудь?

– Вы велели мне молчать, сэр.

Хэнк, удовлетворенный ответом, сунул устройство в карман:

– Пожелай мне удачи, Блейкли.

Тот хлопнул его по плечу:

– Она вам не понадобится.

Отбросив окурок, Хэнк зашагал по каменным ступеням вниз к кладбищу, которое тонуло в сплошной дымке тумана. Стратегическое преимущество было утрачено. А Хэнк так надеялся увидеть ангела первым, находясь наверху. Но его прикрывал специально обученный и отобранный им лично отряд боевых нефилимов, и это внушало ему уверенность и спокойствие.

Спустившись к основанию лестницы, Хэнк напряженно всматривался в тени вокруг. С неба посыпал мелкий дождик, смывая туман, и теперь можно было различить могильные камни и переплетенные ветви деревьев. Кладбище сильно заросло и стало похоже на лабиринт. Блейкли не случайно предложил для встречи именно это место: вероятность того, что кто-нибудь случайно станет свидетелем происходящего, была ничтожно мала.

Вот. Впереди. Ангел стоял, облокотившись на могильный камень, но при виде Хэнка выпрямился. Весь в черном, черной была и кожаная мотоциклетная куртка, он практически сливался с темнотой вокруг. Он не брился уже несколько дней, волосы у него были грязные и спутанные, а вокруг рта залегли тревожные складки. Скорбит о своей исчезнувшей подруге? Что ж, тем лучше.

– Ты выглядишь неважно... Патч, правильно? – произнес Хэнк, останавливаясь в нескольких шагах от ангела.

Ангел улыбнулся, но улыбка не была приветливой:

– Думаю, что и у тебя случилась пара-тройка бессонных ночей. Что ни говори, а она ведь твоя плоть и кровь. Хотя судя по твоему виду ты успел неплохо выспаться. Риксон всегда говорил, что ты красавчик.

Хэнк решил пропустить это оскорбление мимо ушей.

Риксон был падшим ангелом, который завладевал его телом каждый год на Хешван, он был, считай, что мертв. С исчезновением Риксона в этом мире не оставалось больше ничего, что могло бы испугать Хэнка.

– Итак. Что у тебя есть для меня? Хорошо, если это что-то стоящее.

– Я побывал у тебя дома, но ты струсил, поджал хвост и спрятал свою семью, – в голосе ангела звучало что-то такое, чему Хэнк не мог подобрать правильного определения. Что-то среднее между презрением и... насмешкой.

– Да, я опасался, что ты можешь совершить какой-нибудь необдуманный поступок. Око за око, разве не это девиз падших ангелов?

Хэнк не мог понять, восхищает его хладнокровие ангела или раздражает. Он ожидал увидеть бешенство или отчаяние. Наконец, он надеялся спровоцировать ангела на насилие. Ему требовался любой предлог, чтобы призвать своих людей на помощь. Кровопролитие – лучшее средство для поднятия боевого духа команды.

– Давай сократим обмен любезностями. Лучше скажи, что ты принес мне нечто нужное.

Ангел пожал плечами:

– Я не собираюсь играть в твои крысиные игры. Мне важно знать, где ты прячешь свою дочь.

Хэнк стиснул челюсти:

– Мы так не договаривались.

– Я достану тебе всю необходимую информацию, – ангел говорил почти спокойно, если бы не это пугающее поблескивание в его глазах. – Но сначала освободи Нору. Позвони своим людям немедленно.

– Мне нужны гарантии, что ты готов сотрудничать на постоянной основе. И я буду прятать ее, пока ты не выполнишь все свои обязательства.

Губы ангела дернулись, но едва ли это можно было назвать улыбкой – таким зловещим и пугающим стало выражение его лица.

– Я не собираюсь торговаться.

– У тебя нет выбора. – Хэнк сунул руку в карман и вытащил телефон. – Я теряю терпение. Если ты намерен впустую тратить мое время, твою подругу ожидает весьма неприятная ночь. Один звонок, и она останется голодной...

Но он не успел выполнить свою угрозу и почувствовал, что падает. Руки ангела метнулись к нему, и внезапно у Хэнка в легких закончился весь воздух. Головой он ударился обо что-то твердое, в глазах потемнело.

– Я покажу тебе, как это будет, – прошипел ангел.

Хэнк пытался выдавить из себя крик, но руки ангела сомкнулись на его горле. Хэнк попытался ударить ангела ногой, но это было бесполезно – тот был слишком силен. Дотянуться до тревожной кнопки в кармане Хэнк тоже не мог, его пальцы тщетно ощупывали пустоту. Ангел совсем перекрыл ему доступ кислорода. Из глаз посыпались искры, а на грудь словно положили огромную каменную плиту.

Собрав все оставшиеся силы, Хэнк проник в сознание ангела, пытаясь нарушить ход его мыслей, изменить намерения, повернуть желания в нужное ему русло. Он повторял, словно гипнотизируя, одно и то же: «Отпусти Хэнка Миллара... отпусти его сейчас же...»

– Фокус с сознанием? – ангел усмехнулся. – Не старайся. Звони немедленно, – скомандовал он. – Если ее освободят сразу, я убью тебя быстро. Если же пройдет больше двух

минут, я буду рвать тебя на мелкие кусочки, один за другим. И поверь мне, буду наслаждаться каждым воплем, который ты издашь, до самого конца.

– Ты – не можешь – убить – *меня!* – прохрипел Хэнк.

Невыносимая боль обожгла ему щеку. Он закричал, но с его губ не сорвалось ни звука. Трахея у него была сломана, зажата рукой ангела, словно тисками. Жгучая боль становилась все сильнее, заполняя собой все вокруг. Хэнк чувствовал запах крови, смешанной с его собственным потом.

– Один кусочек за раз, – прошипел ангел, помахивая чем-то похожим на кусок бумаги, испачканный темной жидкостью, перед расплывающимся взором Хэнка.

Глаза Хэнка расширились. Его *кожа!*

– Звони своим людям, – приказал ангел, явно теряя терпение.

– *Не могу – говорить!* – пробулькал Хэнк.

Нужно только дотянуться до тревожной кнопки...

«Поклянись, что сразу освободишь ее, и я позволю тебе говорить», – мысль ангела легко проникла в сознание Хэнка.

«Ты совершаешь большую ошибку, парень», – ответил ему так же мысленно Хэнк. Его пальцы ощупывали карман. Наконец-то он нащупал заветное устройство.

Ангел издал нетерпеливый гортанный звук, вырвал устройство из его руки и зашвырнул в кусты.

«Клянись, или твоя рука полетит туда же!»

«Я подтверждаю наше первоначальное соглашение, – ответил Хэнк. – Я сохраню ей жизнь и похороню все планы отомстить за гибель Чонси Ланже, если ты дашь мне нужную информацию. А до этого момента я обещаю относиться к ней как можно гуманнее...»

Ангел ударил его головой об землю. Слова донеслись до него сквозь боль и подступающую тошноту:

«Я не оставляю ее тебе даже на пять лишних минут! Не говоря о том времени, что понадобится мне, чтобы достать нужную информацию!»

Хэнк изогнулся и заглянул Патчу за плечо, но увидел там только могильные камни. Ангел держал его прижатым к земле и полностью закрывал собой обзор. Он не верил, что ангел может убить его, ведь Хэнк был бессмертен, но и просто лежать здесь и позволять истязать себя он не собирался.

Сжав губы, он взглянул в глаза ангелу.

«Никогда не забуду, как она кричала, когда я вытаскивал ее оттуда. А ты знаешь, что она кричала? Она выкрикивала твое имя. Снова и снова. Кричала, что ты придешь за ней. Это сначала, конечно. Думаю, в конце концов, она начинает понимать, что тебе со мной не справиться».

Хэнк увидел, как лицо ангела темнеет, будто наливаясь кровью. Руки дрогнули, черные глаза наполнились гневом. А потом была ужасная, нестерпимая боль. В какой-то момент Хэнк был близок к обмороку от этой пронизывающей его плоть обжигающей боли, а через секунду он смотрел на руки ангела, испачканные его, Хэнка, собственной кровью.

Оглушительный рев сотряс тело Хэнка. Боль взорвалась внутри, почти лишая разума. Но на краю сознания он слышал, как бегут к ним нефилимы.

– Уберите-его-от-меня! – рычал он, пока ангел истязал его тело.

Каждый нерв пылал огнем. Жар и агония пожирали каждый сосуд. Его взгляд упал на руку: на ней не было мяса – только голая искореженная кость. Ангел действительно

собирался разорвать его в клочья. Хэнк слышал, как его люди пытались остановить ангела, но тот все еще нависал над ним, и каждое прикосновение его рук обдавало Хэнка новой волной огня.

Хэнк истошно завопил:

– *Блейкли!*

– Уберите его немедленно! – услышал он резкий приказ Блейкли.

Не сразу, но им удалось оттащить ангела.

Хэнк лежал на земле, задыхаясь. Весь в крови, боль пронзала его тело раскаленными иглами. Отмахнувшись от руки Блейкли, он с трудом поднялся на ноги. Ноги плохо держали его, он шатался и был пьян от собственных мук. По испуганным взглядам своих людей он понял, что выглядит ужасно. С такими ранами ему, вероятно, понадобится целая неделя, чтобы восстановиться, даже несмотря на дьявольские силы.

– Нам забрать его с собой, сэр?

Хэнк приложил носовой платок к губе, которая была разорвана в клочья и болталась на лице отвратительным кровавым месивом.

– Нет. Нет смысла запира́ть его. Скажите Даггеру, чтобы следующие сорок восемь часов он давал девчонке только воду. – Хэнк никак не мог отдышаться. – Если наш мальчик не хочет сотрудничать, она за это заплатит.

Кивнув, Блейкли отвернулся и стал набирать номер на телефоне.

Хэнк выплюнул в ладонь окровавленный зуб, внимательно осмотрел его и положил в карман. Потом перевел взгляд на ангела, в котором только сжатые еще кулаки выдавали овладевшее им бешенство.

– Итак, еще раз условия нашей сделки. Чтобы избежать дальнейших недоразумений. Во-первых, ты войдешь в доверие к падшим ангелам, снова вернешься в их ряды...

– Я убью тебя, – тихо предупредил его Патч.

Его держали пятеро мужчин, но он больше не сопротивлялся. Он стоял совершенно спокойно, а в черных глазах его плескалась ненависть. И жажда мести. На какую-то секунду Хэнк почувствовал укол страха – как будто огонь вспыхнул у него в животе. Он постарался выглядеть невозмутимым.

– ...Потом ты станешь следить за ними и докладывать мне напрямую обо всех их действиях.

– Я клянусь сейчас, перед твоими людьми, – ангел старался дышать ровно, – что не успокоюсь, пока ты не умрешь.

– Пустая трата времени. Ты не можешь убить меня. Может быть, ты забыл, от кого нефилимы получили свое бессмертие?

Все вокруг начали оживленно перешептываться, но Хэнк жестом потребовал тишины:

– Когда я решу, что ты дал мне достаточно информации, чтобы я мог помешать падшим ангелам завладеть телами нефилимов в ближайший Хешван...

– Я верну тебе всю ее боль и страдание в десятикратном размере.

Хэнк скривился в некоем подобии улыбки:

– Чересчур сентиментально, тебе не кажется? Когда я закончу с ней, она не вспомнит твоего имени.

– Запомни этот момент, – в голосе ангела звучала ледяная ярость. – Он будет преследовать тебя всю твою жизнь.

– Довольно, – отрезал Хэнк, всем своим видом показывая отвращение, и направился к

машине. – Отвезите его в Дельфик-парк, – приказал он. – Чем скорее он вернется к падшим, тем лучше.

– Я отдам тебе свои крылья.

Хэнк остановился, не веря тому, что услышал. А потом расхохотался:

– Что?!

– Поклянись освободить Нору прямо сейчас, и они твои.

Голос его прозвучал измученно, выдавая впервые, что он готов сдаться.

Это прозвучало музыкой для ушей Хэнка.

– А что мне делать с твоими крыльями? – спросил он небрежно, но от ангела не укрылась заинтересованность в его голосе.

Насколько Хэнк знал, еще никто из нефилимов не забирал крылья у ангела. Среди ангелов такое время от времени случалось, но чтобы нефилим мог обрести такую силу – это небывалый случай. Настоящее искушение. Слухи о его приобретении мгновенно разнеслись бы по миру нефилимов.

– Ну, ты уж придумашь что-нибудь, – устало произнес ангел.

– Я могу поклясться, что освобожу ее перед Хешваном, – предложил Хэнк, стараясь не выдать голосом своего нетерпения и понимая, что нельзя показывать переполняющий его восторг.

– Нет. Не годится.

– Твои крылья могли бы, конечно, стать очаровательным трофеем, но у меня есть более важные дела. Я отпущу ее в конце лета. Это последнее предложение.

Хэнк отвернулся, делая вид, что уходит, и пытаясь спрятать свое жадное нетерпение.

– Я согласен, – сказал Патч обреченно.

Хэнк обернулся:

– Как это делается?

– Твои люди просто вырвут их.

Хэнк открыл было рот, чтобы возразить, но ангел продолжал:

– У них достаточно сил. Если я не буду сопротивляться, то девять или десять человек справятся. Я вернусь в Дельфийский парк и пушу слух, что архангелы вырвали мне крылья. Но чтобы это сработало, между мной и тобой не должно быть никакой связи, – предупредил он.

Не раздумывая, Хэнк капнул на траву несколько капель крови со своей истерзанной руки:

– Клянусь освободить Нору до конца лета. Если я нарушу эту клятву, я буду молить о смерти и обращусь в прах, из которого был создан.

Ангел стянул рубашку через голову и руками обхватил колени. Его спина поднималась и опускалась с каждым вдохом и выдохом. Хэнк одновременно завидовал и испытывал отвращение к тому мужеству, с которым ангел произнес:

– Давай покончим с этим.

Хэнк с удовольствием сделал бы все сам, но осторожность взяла верх. Он не был уверен, что весь не покрыт следами дьявольской силы. Если то место, откуда росли крылья ангела, действительно такое чувствительное, как принято считать, одно прикосновение может выдать его с головой. А он слишком долго шел к своей цели, чтобы проиграть.

Подавив сожаление, Хэнк повернулся к нефилимам:

– Вырвите ему крылья и приберите здесь всё. Потом отвезите его к воротам

Дельфийского парка, где его точно найдут. И чтобы никто вас не видел!

Ему очень хотелось приказать им поставить этому ангелу его фирменное клеймо в виде сжатого кулака. Такое видимое свидетельство его триумфа вознесло бы его среди нефилимов на недостижимую высоту. Но ангел был прав: чтобы все сработало, нельзя было оставить ни малейшего следа их связи.

Вернувшись к машине, Хэнк бросил взгляд на кладбище. Все было уже кончено. Ангел лежал на земле ничком, без рубашки, на спине зияли две открытые раны. И хотя он не мог чувствовать боль, весь его вид, казалось, говорил о том, что он находится в шоке от потери. Хэнк слышал, что шрамы от вырванных крыльев становятся для ангелов их ахиллесовой пятой. Видимо, эти слухи были правдивы.

– На сегодня всё? – догнал его Блейкли.

– Еще один телефонный звонок, – ответил Хэнк с иронией. – Нужно позвонить матери девчонки.

Он набрал номер и поднес телефон к уху, откашлялся и постарался придать голосу напряженность и взволнованность:

– Блайт, дорогая, я только что получил твое сообщение. Я был с семьей на отдыхе, но я уже мчусь в аэропорт. Прилечу первым рейсом. Расскажи мне все. Как это похитили?! Ты уверена? А в полиции что говорят? – он замолчал, слушая, как женщина отчаянно рыдает. – Послушай меня, – сказал он твердо, – я с тобой. Если понадобится, я задействую все свои связи. И где бы Нора ни была, мы ее найдем.

Даже не открыв глаза, я уже знала, что я в беде.

Я пошевелилась, услышав приглушенный звук приближающихся шагов. Остатки сна все еще притупляли мое сознание. Я лежала на спине, холод забирался мне под рубашку.

От неудобного положения в затекшей шее разливалась боль, и я открыла глаза. Узкие силуэты камней проступали в иссиня-черном тумане. На какое-то мгновение картина напомнила мне чей-то раззявленный рот, полный кривых зубов, но потом я увидела, что на самом деле передо мной. Надгробия.

Я попыталась сесть, но руки скользили по влажной траве. Стараясь сбросить с себя остатки забытья, я откатилась от наполовину просевшей могилы. Меня окружал влажный туман. Штаны стали насквозь мокрыми на коленях, пока я ползла мимо беспорядочного нагромождения надгробий. Я едва соображала из-за мучительной боли, пульсирующей у меня в голове, сознание мутилось.

Я поползла вдоль кованого железного забора, вжимаясь в опавшие листья, копившиеся здесь годами. Откуда-то сверху доносился жуткий вой, от которого меня бросило в дрожь, но все же не этот звук пугал меня сильнее всего. Кто-то шел за мной по траве; я слышала мягкие шаги, но не могла сказать, насколько они близко. Тот, кто шел за мной, закричал, и я поползла быстрее. Инстинктивно я знала, что мне нужно спрятаться, но растерялась: было слишком темно, чтобы что-то разглядеть, а жуткий синеватый туман как будто гипнотизировал меня.

Вдали между высокими раскидистыми деревьями чуть светился во тьме белый каменный склеп. Вскочив на ноги, я побежала туда.

Скользнув между двумя мраморными памятниками, я оказалась с другой стороны. Он ждал меня. Высокий силуэт, рука поднята для удара. Я отпрянула назад. Уже падая, поняла свою ошибку: *он* был из камня. Каменный ангел возвышался на надгробии, охраняя мертвых. Я подавила нервный смешок. И тут голова у меня сильно стукнулась обо что-то твердое. В глазах потемнело.

Вряд ли я долго оставалась без сознания. Когда обморочная мгла отступила, я все еще тяжело дышала после пробежки. Я знала, что нужно встать, но не помнила почему. Так что я осталась лежать, и ледяная роса смешивалась с испариной на моей коже. Когда я в очередной раз моргнула, мой взгляд наконец-то сфокусировался на ближайшем надгробии. Выгравированные буквы сложились в короткие строки:

ХАРРИСОН ГРЕЙ

ЛЮБЯЩИЙ МУЖ И ОТЕЦ

УМЕР 16 МАРТА 2008 ГОДА

Я подавила вскрик, закусив губу.

Теперь я понимала, почему тени за моим плечом казались мне такими знакомыми с того самого момента, как я очнулась несколько минут назад. Я была на городском кладбище Колдуотера. У могилы моего отца.

«Это ночной кошмар, – подумала я. – Я просто еще не проснулась. Это просто страшный сон».

Ангел наблюдал за мной; выщербленные крылья распахнулись у него за спиной, правая рука простерта над кладбищем. Лицо его казалось отрешенным, но улыбка на губах была скорее насмешливой, чем доброжелательной. На какое-то мгновение я почти убедила саму себя, что он настоящий и что я здесь не одна.

Улыбнувшись ему, я внезапно почувствовала, что губы у меня трясутся. Рукавом я смахнула с лица слезы, хотя и не осознавала, что плачу. Мне отчаянно хотелось забраться к нему на руки, почувствовать, как расправляются в воздухе его крылья, когда он уносит нас над воротами и подальше от этого места.

Из оцепенения меня снова вывел звук чьих-то шагов. Теперь они стали быстрее, кто-то бежал по траве.

Я повернулась на звук и удивилась, увидев, что темноту и туман прорезает луч света. Этот луч поднимался и опускался в унисон шагам: раз-два... раз-два... вверх-вниз... вверх-вниз...

Фонарик.

Я зажмурилась, когда свет фонарика ударил мне прямо в глаза, ослепляя.

И я с ужасом осознала, что определенно не сплю.

– Эй, где вы там! – хрипло прокричал мужчина, которого не было видно за ярким светом. – Вам нельзя здесь находиться. Кладбище закрыто.

Я отвернулась. Перед глазами все еще плясали разноцветные пятна и круги.

– Сколько вас там еще? – сердито спросил он.

– Что? – прошептала я; в горле у меня пересохло.

– Сколько еще человек с вами там? – продолжал он все более агрессивно. – Решили поиграть в ночные игры, да? Прятки там и все такое? Или во что-нибудь типа «призраки на кладбище»? Не в мое дежурство, понятно?!

Что я делаю здесь? Навещала могилу отца? Я судорожно рылась в памяти, но она была подозрительно пуста. Я не могла вспомнить, как оказалась на кладбище. Я не могла вспомнить вообще ничего. У меня было ощущение, что все, произошедшее этой ночью, буквально испарилось из моей памяти без следа.

Хуже того: я и утро сегодняшнее не могла вспомнить. Не помнила, как одевалась, завтракала, собиралась в школу. Сегодня вообще учебный день?

Стараясь не поддаваться нарастающей панике, я сконцентрировалась и схватилась за протянутую мне руку. Когда я села, свет фонарика снова ударил мне прямо в глаза.

– Сколько тебе лет? – спросил сторож.

Наконец-то я могла хоть что-то сказать наверняка.

– Шестнадцать.

Почти семнадцать. У меня будет день рождения в августе.

– И что ты делаешь в Сэм Хилле одна? Разве ты не знаешь, что кладбище уже закрылось для посещений?

Я беспомощно озиралась по сторонам.

– Я...

– Ты же ведь не сбежала из дому, а? Просто скажи, что тебе есть куда идти.

– Да.

Наш дом. От неожиданного воспоминания о доме сердце у меня сжалось, желудок стремительно ухнул куда-то вниз, прямо к коленям. Значит, уже так поздно? Но насколько?! Я не могла выкинуть из головы образ разгневанной мамы, которая ждет, когда я появлюсь на пороге.

– А у «да» есть адрес?

– Хоторн-Лейн.

Я поднялась было, но от резкого движения кровь прилила к голове, и я пошатнулась. Почему я не помню, как очутилась здесь? Конечно, я приехала на машине. Но где тогда я оставила свой «фиат»? И где моя сумка? И ключи?

– Ты пила? – прищурился сторож.

Я покачала головой.

Он было убрал фонарь в сторону от моего лица, но вдруг свет снова ударил мне по глазам.

– Погоди-ка! – То, как прозвучал его голос, мне не понравилось. – Ты же та самая девчонка, да? Нора Грей! – он выпалил мое имя так, будто оно было написано у меня на лбу.

Я отступила назад:

– Откуда... как вы узнали мое имя?

– Из телевизора. Награда. Хэнк Миллар объявил награду.

Все, что он говорил дальше, проплывало мимо моего сознания. Марси Миллар была единственным человеком, которого я могла бы назвать своим врагом. Какое отношение ко всему этому мог иметь ее отец?

– Тебя ищут с конца июня.

– С июня? – эхом повторила я, чувствуя, как паника начинает захлестывать меня с головой. – О чем это вы говорите? Сейчас апрель.

И кто меня ищет? Хэнк Миллар? Зачем?

– Апрель? – он смотрел на меня подозрительно. – Да нет, девонька, нынче сентябрь.

Сентябрь. Нет, не может быть. Я бы помнила, если бы закончился учебный год. Я бы помнила, если бы начались и закончились летние каникулы. Да, я очнулась здесь несколько минут назад, совершенно сбита с толку, но не безумная.

Но зачем ему меня обманывать?

Когда он опустил фонарик, я впервые смогла рассмотреть его. Грязные джинсы все в пятнах, на лице многодневная щетина, а ногти нестриженные и с черной каймой. Он был похож на тех бродяг, что скитаются вдоль железнодорожных путей и ночуют у реки летом. Говорят, у них бывает оружие.

– Вы правы. Мне нужно вернуться домой, – сказала я, делая еще один шаг назад и засовывая руку в задний карман. Но мобильного на привычном месте не оказалось. Как и ключей от машины.

– И куда это ты собралась? – Мужчина направился в мою сторону.

От этого движения у меня заныло в животе, и я сорвалась с места. Помчалась туда, куда указывал каменный ангел, надеясь, что окажусь у южных ворот кладбища. Северные ворота я знала лучше, но чтобы добраться до них, мне надо было бежать к сторожу, а не от него. Земля внезапно ушла у меня из-под ног – я выбежала на склон холма. Ветки деревьев и кустов

царапали мне руки, ноги скользили по влажной каменистой поверхности склона.

– Нора! – кричал мне вслед сторож.

Мне хотелось наподдать себе самой за то, что назвала ему свой адрес. А вдруг он будет преследовать меня?

Ноги у него были длиннее, и я слышала, как он топает за мной, неумолимо приближаясь. Руками я отбивалась от веток, которые цеплялись за мою одежду, словно когти какого-то животного. Он схватил меня за плечо, я резко повернулась и отбросила его руку:

– Не трогайте меня!

– Да погоди ты! Я сказал тебе про награду, и я собираюсь ее получить!

Он снова потянулся к моему плечу, адреналин кипел в моей крови, и я со всей силы ударила его ногой по голени.

– А-а-а-а-аа! – он согнулся пополам, схватившись за ногу.

Меня поразила собственная жестокость, но выбора не оставалось. Пошатываясь, я отступила назад и быстро огляделась по сторонам, пытаюсь сориентироваться. По позвоночнику стекали капли пота, пропитывая рубашку насквозь, от этого каждый волосок на теле стоял дыбом.

Что-то не сходилось. Даже несмотря на провал в памяти, я прекрасно представляла себе план кладбища – я ведь бывала на могиле отца бесчисленное количество раз. И хотя все здесь казалось знакомым, каждый укромный уголок, каждая мелочь – такая как сильный запах тлеющих листьев или застоявшейся воды в пруду, все же кладбище выглядело *не так*.

И тут до меня дошло.

Клены пестрели красными и желтыми листьями. Осенними листьями. Но это же невозможно. Сейчас апрель, а не сентябрь. Почему же листья изменили цвет? Неужели этот человек говорил правду?

Оглянувшись, я увидела, что он, хромая, двигается ко мне, прижимая мобильник к уху:

– Да, это точно она. Я уверен. Бежит к южным воротам кладбища.

Я понеслась вперед, еще больше напуганная. *Перепрыгнуть через забор. Найти хорошо освещенное, людное место. Вызвать полицию. Позвонить Ви...*

Ви. Моя самая лучшая, самая надежная подруга. Ее дом ближе к кладбищу, чем мой. Побегу к ней. Ее мама вызовет полицию. Я опишу, как выглядит этот человек, и они поймают его. Проследят, чтобы он оставил меня в покое. И они будут расспрашивать меня об этой ночи, смогут воспроизвести все мои действия, одно за другим. И тогда провалы в моей памяти восполнятся и все выяснится. И я смогу избавиться от этой странной, неправильной версии самой себя. Избавиться от ощущения, что меня не принимает мой собственный мир.

Я остановилась, только чтобы перепрыгнуть через забор кладбища. Оставался один участок земли с другой стороны моста через Вентворт. Нужно пробежать его, тогда я попаду к трем улицам – Кленовой, Вязовой и Дубовой, а там переулками и дворами доберусь до дома Ви и буду в безопасности.

Я уже подбегала к мосту, когда раздался резкий вой сирены, из-за угла вылетела машина, и яркий свет фар буквально ослепил меня, заставив остановиться. Синяя полицейская мигалка на крыше «седана» визжала все время, пока машина не застыла на мосту.

Первым моим порывом было броситься навстречу полицейскому и указать ему на человека, который гнался за мной. Но в следующий миг меня опять переполнил ужас.

Вдруг это не полицейский? Вдруг он просто прикидывается полицейским? Мигалку может раздобыть кто угодно. Где его синяя патрульная машина? И насколько я могла видеть с

того места, где стояла, формы на нем тоже не было.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове со скоростью молнии.

Я стояла у основания моста, держась за каменную опору. Я была уверена, что этот мнимый полицейский заметил меня, и все-таки старалась двигаться как можно осторожнее и спрятаться в тени растущих на берегу деревьев. Краем глаза я видела, как поблескивает вода в реке Вентворт. В детстве мы с Ви ловили под этим самым мостом раков, нанизывая кусочки сосиски на палочки. Раки вцеплялись в сосиски мертвой хваткой и не разжимали клешни даже тогда, когда мы вытаскивали их из реки и бросали в ведро.

В середине река была довольно глубокой. И еще ее воды были очень хорошо укрыты от людских глаз, потому что текла она по пустынным, безлюдным местам, где никому и в голову не придет устанавливать фонари. От этого поля к промышленному району, мимо заброшенных фабрик, а потом уже устремлялась прямо к морю.

На секунду я задумалась: а хватит ли у меня духу прыгнуть с моста. Высоты я боялась и самого падения тоже, но плавать умела. Значит, нужно просто заставить себя прыгнуть...

Хлопнула дверца машины, и я вернулась к действительности. Из мнимой полицейской машины вышел человек. Выглядел он точно как гангстер: выющиеся темные волосы, черный костюм, черная рубашка, черный галстук.

Он показался мне смутно знакомым. Но прежде чем я смогла ухватить за ниточку это ускользающее воспоминание, память снова отказывалась мне повиноваться.

На земле валялись какие-то палки, сучья, ветки. Я наклонилась и подняла палку толщиной в половину моей руки.

Мнимый полицейский как будто не заметил моего оружия защиты, но я понимала, что он все видел. Он прикрепил полицейский жетон к рубашке и поднял руки, показывая, что у него добрые намерения. «Я не причиню тебе зла», – говорил его жест.

Я не верила ему.

Он сделал несколько шагов вперед, стараясь двигаться плавно и осторожно.

– Нора. Это я.

Я вздрогнула, услышав свое имя. Голос его был мне не знаком, и от этого сердце у меня заколотилось с такой скоростью, что я чувствовала, как пульсирует кровь у меня в ушах.

– Ты ранена?

Я смотрела на него, не отрываясь, тревога моя росла, мысли разбегались. Значок легко подделать. И я уже была уверена, что мигалка тоже была поддельная. Но если не полицейский, тогда кто он?

– Я позвонил твоей маме, – произнес он, делая еще несколько шагов вперед. – Она будет встречать нас в больнице.

Палку я не опускала. Плечи у меня ходили ходуном, я чувствовала, как воздух со свистом проходит сквозь мои зубы с каждым вдохом. Очередная капля пота ползла по позвоночнику.

– Все будет хорошо, – сказал он. – Все закончилось. Я не позволю никому причинить тебе зло. Теперь ты в безопасности.

Мне не нравилось то, как легко и широко он шагает, и то, как фамиллярно он ко мне обращается.

– Ближе не подходите, – предупредила я его, с трудом удерживая палку влажными от пота ладонями.

Он наморщил лоб:

– Нора?

Палка у меня в руках дрогнула.

– Откуда вы знаете мое имя? – я изо всех сил старалась не показать, как мне страшно. Как сильно *он* меня пугает.

– Это я, – повторил он, внимательно заглядывая мне в глаза, словно ожидая заметить в них искорку узнавания. – Детектив Бассо.

– Я вас не знаю.

Он помолчал. Потом сделал новую попытку:

– Ты помнишь, где ты была?

Я смотрела на него настороженно. Я рылась в памяти, судорожно пытаюсь вспомнить его, я заглядывала в самые ее темные и заброшенные уголки, но его лица не было там. Ни единого воспоминания о нем. Но я *хотела* вспомнить его. Мне нужно было зацепиться за что-нибудь – за что угодно! – знакомое, чтобы этот мир, который изменился, искривился до неузнаваемости, снова стал понятным и безопасным.

– Как попала сегодня на кладбище? – он слегка кивнул в направлении ограды. Движения у него были осторожными. Взгляд был осторожным. Даже линия губ у него была осторожной. – Тебя кто-то подвез? Или ты пришла пешком? – Мужчина подождал. – Мне нужно, чтобы ты сказала, Нора. Это важно. Что случилось сегодня вечером?

Я бы и сама хотела знать.

К горлу у меня подкатила волна тошноты.

– Я хочу домой.

Что-то хрустнуло у меня под ногами. Слишком поздно я поняла, что палка выпала у меня из рук. В мои пустые ладони ласково задувал прохладный ветерок. Я не должна быть здесь. Вся эта ночь – огромная ошибка.

Нет. Не вся ночь. Что я вообще знаю об этой ночи? Я не могла ее вспомнить. Мои воспоминания начинались с того мгновения, как совсем недавно я очнулась на чьей-то могиле, замерзшая и потерянная.

Я представила себе наш дом, безопасный, теплый и такой *настоящий*, и почувствовала, как по носу стекает горячая слеза.

– Я могу отвезти тебя домой, – полицейский кивнул сочувственно. – Но сначала нужно доставить тебя в больницу.

Я крепко зажмурилась, проклиная себя за то, что расплакалась. Лучшего способа показать ему, насколько мне страшно, даже и не придумаешь.

Он вздохнул – мягко, словно хотел, чтобы нашелся другой способ сообщить мне то, что он собирался сказать:

– Тебя не было одиннадцать недель, Нора. Ты меня слышишь? Никто не знал, где ты была последние три месяца. Тебя нужно осмотреть. Нужно убедиться, что с тобой все в порядке.

Я уставилась на него пустым взглядом. Где-то очень далеко у меня в ушах еле слышно звенели крошечные колокольчики. Снова начала подступать тошнота, но я постаралась побороть ее. Я расплакалась, но меня не вырвет перед ним.

– Мы предполагаем, что тебя похитили, – сообщил он с непроницаемым выражением лица. Он уже преодолел расстояние, которое нас разделяло, и стоял теперь совсем близко. И говорил вещи, которые я отказывалась понимать. – Похитили.

Я моргнула. Просто стояла там и моргала.

Как будто чья-то рука сдавила мне сердце, больно выкручивая его и не давая вздохнуть.

Я почувствовала слабость во всем теле и с трудом удержала равновесие. Над моей головой золотились пятна уличных фонарей, я слышала, как плещет река у моста, чувствовала запах выхлопных газов его работающей машины... Но все это было где-то далеко от меня. Расплывчато и очень далеко.

И вот я уже качнулась и стала падать... падать... Проваливаться в пустоту. Сознание я потеряла еще до того, как оказалась на земле.

Я очнулась в больнице.

Белый потолок, сиренево-голубые стены. В палате сильно пахло лилиями, чистящим средством и нашатырем. На прикроватном столике на колесиках стояли два букета цветов, там же были связка воздушных шариков с надписью «Выздоровливай скорей!» и подарочный пакет из фиолетовой фольги. Имена на открытках я видела то отчетливо, то совсем расплывчато.

Доротея и Лайонел.

Ви.

В углу палаты кто-то зашевелился.

– Детка! – услышала я родной голос, его обладательница вскочила и бросилась ко мне. – Солнышко мое! – она присела на край постели и заключила меня в самые крепкие объятия. – Я так люблю тебя, – прошептала она, глотая слезы. – Я так тебя люблю!

– Мама.

Сказанное вслух, это слово моментально развеяло все мои недавние кошмары. Спокойствие теплой волной разливалось у меня в груди, смывая тот липкий страх, который мешал мне дышать.

Ее плечи сотрясались, и я поняла, что она плачет, причем всхлипывания постепенно усиливались, и вскоре она уже рыдала.

– Ты помнишь меня! – в голосе ее слышалось невыразимое облегчение. – Я так боялась! Я думала... ох, детка... я думала о самом худшем.

И мои кошмары вернулись, словно заползли мне под кожу.

– Это правда? – спросила я, чувствуя, как что-то скользкое и кислое поднимается из желудка. – То, что сказал детектив. Что я... одиннадцать недель...

Я не могла заставить себя выговорить это слово: похищение. Слишком страшно. Слишком невозможно.

Мама зарыдала сильнее.

– Что... что со мной случилось? – спросила я.

Мама вытерла мокрые от слез глаза пальцами, глубоко вздохнула. Я знала ее достаточно, чтобы понять: она пытается сохранять спокойствие ради меня. Поэтому постаралась подготовиться к самым дурным новостям.

– Полиция делает все, что может, чтобы как-то узнать, что случилось, – она попыталась улыбнуться, но безуспешно. Словно нуждаясь в опоре, мама взяла меня за руку и сжала мою ладонь: – Самое главное, ты вернулась. Ты дома. Что бы там ни случилось, всё в прошлом. Мы справимся со всем этим.

– А как меня похитили?

Вопрос этот я, скорее, адресовала самой себе. Как это случилось? Кому нужно было похищать меня? Может быть, меня затащили в машину, когда я выходила из школы? Запихнули в багажник, когда я шла через парковку? Вот так вот просто? Ох, нет. Почему я не убежала? Почему я *не сопротивлялась*? Почему мне понадобилось столько времени, чтобы сбежать? Я ведь смогла выбраться, это очевидно. Так ведь? Вопросы без ответов сыпались один за другим.

– Что ты помнишь? – спросила мама. – Детектив Бассо говорит, что даже самая

незначительная деталь может оказаться полезной. Прокрути всё назад. Попробуй вспомнить. Как ты оказалась на кладбище? И где ты была до этого?

– Я не помню. Как будто мою память...

Я запнулась. Как будто часть моих воспоминаний украли. Будто кто-то вырезал их, не оставив на их месте ничего, кроме страха. Внутри поселилось чувство потери, заставляя чувствовать себя так, будто меня столкнули с высокой платформы без предупреждения. Я падала, и само падение пугало меня больше, чем удар о твердую землю. Этому падению не было конца: словно я была вне власти силы притяжения.

– Что последнее ты помнишь? – повторила мама.

– Школу, – ответ сам собой слетел с моего языка.

Разрозненные кусочки мозаики начали медленно сцепляться друг с другом, образуя цельную четкую картинку.

– Я готовилась к тесту по биологии. Но, похоже, я его пропустила, – добавила я, чувствуя, как эти потерянные одиннадцать недель становятся всё более нереальными для меня.

Я отлично помнила, как сидела в кабинете биологии мистера Мак-Конахи. Я даже могла сейчас почувствовать знакомые запахи: мела, чистящих средств, затхлого воздуха, дезодоранта... Рядом со мной сидела Ви: она была моим партнером по лабораторным работам. Наши учебники, открытые, лежали на черном гранитном столе, а в свой Ви тайком засунула очередной выпуск US Weekly.

– Ты имеешь в виду химию, – поправила меня мама. – Летнюю школу.

Я посмотрела на нее с недоумением:

– Я не ходила в летнюю школу.

Мама закрыла рот ладонью. И сильно побледнела. Единственным звуком в комнате осталось ритмичное тиканье часов у окна. Каждый крохотный щелчок секундной стрелки эхом проходил через меня. Через десять щелчков голос снова вернулся ко мне:

– Какое сегодня число? Какой месяц?

Я мысленно вернулась на кладбище. Опавшая листва. Легкая прохлада в воздухе. Человек с фонариком, настаивающий на том, что сейчас сентябрь. В голове у меня билось одно-единственное слово: нет. *Нет*, это невозможно! Нет, этого не было. Нет, не может быть, чтобы несколько месяцев вот так просто взяли и исчезли из жизни. Я попыталась проникнуть в свою память, попыталась ухватить хоть что-нибудь, что могло бы мне помочь хоть как-то связать сегодняшний день, этот момент, с тем уроком биологии... ведь должно же быть хоть что-то! Но я не помнила ровным счетом ничего. Ни одного воспоминания о минувшем лете. Абсолютная и полная пустота.

– Всё в порядке, детка, – проговорила мама. – Мы обязательно вернем твою память. Доктор Хьюлетт говорит, что у большинства пациентов со временем наблюдаются значительные улучшения.

Я хотела сесть, но руки мои были опутаны разными проводками, прозрачными трубочками и прочими медицинскими приспособлениями.

– Просто скажи мне, какой сейчас месяц! – повторила я истерично.

– Сентябрь. – На мамином лице было написано невыносимое страдание. – Шестое сентября.

Я откинулась на подушки:

– Я думала, сейчас апрель. Я не помню ничего, начиная с апреля.

Страх стремительно накрывал меня с головой, поэтому я поспешно постаралась отгородиться от него. Мне не справиться со всем этим сразу.

– И лето... оно правда уже прошло? Раз, и нет?

– Раз, и нет... – повторила мама отрешенно. – Оно тянулось очень медленно. Каждый день без тебя... одиннадцать недель неизвестности... Паника, тревога, страх, безысходность – это все тянулось бесконечно...

Я промолчала, подсчитывая дни.

– Если сейчас сентябрь, а меня не было одиннадцать недель, значит, меня похитили...

– Двадцать первого июня, – с готовностью подсказала мама. – В ночь летнего Солнцестояния.

Стена, которую я пыталась выстроить между сознанием и страхом, рушилась быстрее, чем я успевала ее возводить.

– Но я не помню июнь. Я даже май не помню.

Мы посмотрели друг на друга, и я знала, что нам пришла в голову одна и та же ужасная мысль. Возможно ли, что моя амнезия касается времени за пределами тех одиннадцати недель и растянулась назад до самого *апреля*? Как такое возможно?

– А что говорит врач? – я облизнула сухие, словно бумага, губы. – У меня была травма головы? Меня накачали наркотиками? Почему я не ничего не помню?

– Доктор Хьюлетт говорит, что у тебя ретроградная амнезия. – Мама помолчала, потом снова заговорила: – Это значит, что часть твоей памяти утрачена. Часть воспоминаний, которые предшествовали моменту поражения мозга. Мы только не знали, насколько это большая часть. Апрель... – прошептала она тихо, и я увидела, каким безнадежным стал ее взгляд.

– Утрачена? Что значит – утрачена?

– Он считает, что это психологическая травма.

Я обхватила голову руками, неожиданно почувствовав, какие грязные и жирные у меня волосы. До меня вдруг дошло, что я не имею ни малейшего понятия о том, где находилась все эти долгие недели. Меня могли держать в цепях в каком-нибудь затхлом подвале. Или в лесу, связанной. Но я точно не принимала душ много дней. Взглянув на свои руки, я увидела въевшуюся грязь, какие-то мелкие царапины, синяки... Что мне пришлось пережить?

– Психологическая травма?

Я усилием воли выкинула из головы все размышления, от которых истерика стремительно нарастала. Я должна оставаться сильной. Мне нужны ответы. Я не могу позволить себе сломаться. Нужно только сосредоточиться, не обращая внимания на эти пляшущие точки перед глазами...

– Он считает, что ты блокируешь воспоминания о чем-то травмирующем.

– Я *не* блокирую воспоминания. – Я закрыла глаза, из которых против моей воли полились слезы. Судорожно вздохнув, я крепко сжала кулаки, стараясь унять противную дрожь в пальцах. – Если бы я пыталась забыть пять месяцев собственной жизни, я бы точно знала об этом, – я говорила медленно, пытаясь придать голосу спокойную убедительность. – Я хочу знать, что со мной случилось.

Если мама и заметила, что я злюсь, она не подала вида.

– Попытайся все-таки вспомнить, – мягко настаивала она. – Это был мужчина? Ты была с мужчиной все это время?

С мужчиной? До этого момента я даже не думала о лице своего похитителя.

Единственный образ, который приходил мне в голову, – это монстр, прячущийся в темноте от лучей яркого света. Кошмарное облако неопределенности окутало меня.

– Ты знаешь, что не должна никого защищать, да? – продолжала мама все так же мягко. – Если ты знаешь, с кем была все это время, расскажи мне. Не имеет значения, что тебе говорили, теперь ты в безопасности. Они не смогут добраться до тебя. С тобой поступили ужасно, но это не твоя вина. Это *их* вина, – повторила она.

Из моей груди вырвалось горестное рыдание. Определение «чистый лист» было подходящим до омерзения. Я хотела было уже сказать маме о своем отчаянии, но тут дверной проем закрыла тень. На пороге палаты стоял детектив Бассо. Руки скрещены на груди, взгляд внимательный и тревожный.

Я почувствовала невольное напряжение. Мама, должно быть, поняла это и проследила за моим взглядом.

– Я подумала: вдруг Нора вспомнит что-нибудь, пока мы будем вдвоем, – извиняющимся тоном сказала она детективу Бассо. – Я знаю, что вы хотели допросить ее, но подумала...

Он кивнул, давая понять, что всё в порядке. Затем подошел поближе, пристально глядя на меня:

– Ты говорила, что четкой картины у тебя нет. Но даже расплывчатая деталь может пригодиться.

– Цвет волос, например, – вмешалась мама. – Может быть, черный, например?

Я хотела объяснить ей, что не помню *ничего*, даже малейшего представления о цвете не имею, но при детективе Бассо не решилась. Я не доверяла ему. Чутье подсказывало мне, что с ним что-то... не так. Когда он стоял вот так близко, у меня волосы на затылке шевелились и по спине бегали мурашки, как будто кто-то водил мне вдоль позвоночника кусочком льда.

– Я хочу домой, – все, что в итоге сказала я.

Мама и детектив Бассо переглянулись.

– Доктор Хьюлетт должен провести несколько тестов, – произнесла мама.

– Что еще за тесты?

– О, это связано с твоей амнезией. Много времени это не займет. И мы поедем домой, – она беспечно махнула рукой, и это только усилило мои подозрения.

Я повернулась к детективу. Казалось, что у него должны быть ответы на все вопросы.

– Вы что-то недоговариваете. Что вы скрываете от меня?

Выражение лица у него было абсолютно непроницаемое. Вероятно, за годы в полиции он хорошо отрететировал такой взгляд.

– Нам просто нужно провести пару тестов. Убедиться, что всё в порядке.

В порядке?

Интересно, какую часть происходящего можно отнести к тому, что «всё в порядке»?

Мы с мамой живем в старом фермерском доме, который стоит на самой окраине Колдуотера. Если выглянуть в любое окно нашего дома, словно попадаешь в прошлое. С одной стороны раскинулись бескрайние необработанные поля, с другой – поля, засеянные льном, в окружении вечнозеленых деревьев. Мы живем в самом конце улицы Хоторн-Лейн, а ближайшие соседи – в миле от нашего дома. По ночам, когда светлячки золотят кроны деревьев, а воздух наполнен ароматами смолы и сосновой хвои, очень легко представить себе, что ты очутился в другом столетии. И если дать волю воображению, можно даже увидеть стоящий невдалеке амбар с красной крышей и пасущихся овец.

Стены дома выкрашены белой краской, крыша голубая, и дом по всему периметру опоясывает сильно покосившаяся открытая веранда. Окна в доме высокие и узкие и довольно противно скрипят и жалобно стонут, когда пытаешься их открыть. Папа, бывало, шутил, что ему не придется устанавливать сигнализацию на окна моей комнаты. Это была наша с ним шутка – мы оба знали, что меня трудно отнести к тем дочерям, которые тайком ускользают из дома.

Мои родители переехали в этот деревенский дом – бездонную-бочку-требующую-постоянного-ремонта – незадолго до моего рождения, по причине, которую можно назвать «любовь с первого взгляда». Они вынашивали простую мечту: со временем восстановить этот дом, каким он был в 1771 году, когда его построили, однажды повесить над входом вывеску: «Гостиница» и подавать гостям лучший суп из лобстеров на всем побережье. Эта мечта рассыпалась, как карточный домик, в ту ночь, когда отца убили на окраине Портленда.

Утром меня выписали из больницы, и теперь я сидела в своей комнате в одиночестве. Прижав подушку к груди, я откинулась к спинке кровати и с ностальгией разглядывала коллаж из старых фотографий, приколотых к пробковой доске на стене.

Родители позируют на вершине Рапсберри Хилл, Ви демонстрирует свой кошмарный костюм Женщины-кошки, который она сшила сама из спандекса пару лет назад, моя фотография из школьного альбома за прошлый год. Разглядывая наши беззаботные улыбающиеся лица, я пыталась убедить себя, что теперь, когда я вернулась в свой привычный мир, я – в полной безопасности.

Но правда в том, что я не смогу чувствовать себя в безопасности и не смогу вернуться к нормальной жизни до тех пор, пока не вспомню, через что прошла за последние пять месяцев, а особенно за последние два с половиной. Пять месяцев кажутся не таким уж большим сроком по сравнению с семнадцатью годами (я пропустила свой семнадцатый день рождения в эти одиннадцать пропавших недель), но я не могла думать ни о чем, кроме этого недостающего звена в цепочке моих дней. Огромная яма на моем пути, не дающая мне двигаться дальше. У меня не было ни прошлого, ни будущего. Только огромная пустота, которая засасывала меня.

Результаты тестов, которые провел доктор Хьюлетт, были отличными. Прекрасными. За исключением нескольких царапин и синяков физическое мое состояние было таким же замечательным, как и в день моего исчезновения.

Но меня беспокоило совсем другое. Кое-что гораздо более серьезное, чем синяки и царапины, что-то, спрятанное так далеко, что никакие тесты не в силах это определить и никакие анализы не смогут этого показать. Кто я теперь? Что мне пришлось пережить за эти

месяцы, которые выпали из моей памяти? А вдруг эта травма изменила меня так сильно, что я никогда не смогу этого понять? Или еще хуже, вдруг я никогда больше не стану собой?

Пока я была в больнице, мама строго-настрого запретила всякие посещения, и доктор Хьюлетт ее поддержал. Я понимала их беспокойство, но теперь, когда я вернулась домой и постепенно привыкаю к обычному порядку вещей, я не позволю маме запереть меня в четырех стенах пусть даже из самых благих намерений, чтобы защитить и уберечь меня. Может, я и изменилась, но все же я – это я. И единственное, что мне было нужно прямо сейчас, это обсудить все с Ви.

Спустившись, я вытащила мамин «блэкберри» из сумочки и вернулась к себе наверх. На кладбище, когда я очнулась, мобильного у меня не было, и, пока не обзаведусь новым, мне может послужить и мамин.

«Это Нора. Ты можешь говорить?» – отправила я Ви эсэмэску.

Было уже поздно, а ее мама требовала, чтобы в десять Ви уже гасила свет. Если бы я позвонила, мама Ви могла бы слышать звонок, и это обернулось бы кучей неприятностей для подруги. Зная миссис Скай, я совсем не рассчитывала на понимание с ее стороны, даже учитывая исключительные обстоятельства.

Мгновение спустя мамин телефон завибрировал:

«Детка! Да я тут с ума схожу!! Полная катастрофа! Ты где?!»

«Позвони мне на этот номер».

Положив «блэкберри» на колени, я ждала, нервно покусывая ноготь на большом пальце. Непонятно, почему вдруг я так нервничаю. Ведь это Ви. Но лучшая подруга или нет, мы не разговаривали несколько месяцев. Да, по моим ощущениям прошло не так много времени, но на самом-то деле все было совсем иначе. В голове у меня крутились сразу две поговорки: «В разлуке любовь только крепнет» и «С глаз долой – из сердца вон». И мне очень хотелось, чтобы победила первая.

Хотя я ждала звонка, все равно подскочила, когда телефон зазвонил.

– Алло! Алло! – услышала я голос Ви.

И от звука ее голоса я разволновалась еще сильнее.

– Это я... – выдавила я с трудом.

– Наконец-то! – фыркнула Ви, но ее голос тоже был хриплым от волнения. – Я вчера весь день в больнице проторчала, но они не пустили меня к тебе. Я прорвалась через пост охраны, но они заорали «код девяносто девять» и погнались за мной. И вывели меня в наручниках, и когда я говорю вывели, я имею в виду, что там была потасовка, пинки и ругательства с обеих сторон. С моей точки зрения, единственная преступница среди нас – это твоя мама! *«Никаких посетителей!»* Да я твоя лучшая подруга! Или это она потеряла память о последних одиннадцати годах?! В следующий раз, когда я буду у вас, я *разберусь* с этой женщиной!

Я улыбалась в темноте дрожащими губами. Прижимая телефон к груди, я не могла решить, плакать мне или смеяться. Я должна была знать, что Ви меня не бросит. Все эти страшные и непонятные вещи, которые произошли со мной с тех пор, как я очнулась на кладбище три дня назад, весь ужас последних дней – все это отступало перед одним простым фактом: у меня лучшая подруга в мире. Может, все и изменилось, но наши отношения с Ви нерушимы и прочны, как скала. Нашу дружбу нельзя разрушить. И это никогда не изменится.

– Ви... – выдохнула я с облегчением.

Мне хотелось купаться в *нормальности* этого момента. Было уже поздно, мы должны спать, но мы болтаем в темноте. В прошлом году мама Ви застучала ее и выбросила телефон в мусорный контейнер. На следующее утро соседей ждало отменное шоу: Ви искала свой телефон в помойке, прямо среди отбросов. Она до сих пор не расстается с этим телефоном. Мы зовем его Оскар или Оскар Ворчун^[1].

– Они дают тебе хорошие лекарства? – спросила Ви. – Отец Энтони Эмовитца фармацевт, так что я могла бы достать для тебя, что надо.

Мои брови поползли вверх.

– Что? Ты с Энтони?..

– Фу, нет. Не в этом смысле. Я вообще завязала с парнями. Если вдруг захочется романтики, всегда можно включить «Нетфликс»^[2].

«Поверю, только когда увижу собственными глазами!» – подумала я, улыбнувшись про себя.

– Где моя лучшая подруга и что ты с ней сделала?

– У меня программа детокс. Очищение от парней. Вроде диеты, только для эмоционального здоровья. Впрочем, не бери в голову, – продолжала Ви. – Я три месяца не видела свою лучшую подругу, и разговор по телефону – отстой. Я покажу тебе, детка, что такое медвежьи объятия!

– Если тебе удастся проскользнуть мимо моей мамы, – фыркнула я. – Похоже, она встала на путь родительского фанатизма.

– *Ужасная женщина!* – прошипела Ви. – Я начну мастерить распятие прямо сейчас!

Ведьминскую сущность моей матери мы могли обсудить в другое время, а сейчас у нас были куда более важные темы для разговора.

– Ви, – начала я, переводя разговор в более серьезное русло, – мне нужно краткое описание дней накануне моего похищения. Не могу отделаться от ощущения, что это похищение не было случайностью. Должны же были быть какие-то знаки, но я ничего не помню. Совсем ничего. Врач говорит, что эта потеря памяти временная, но сейчас мне нужно, чтобы ты рассказала мне все: куда я ходила, что делала, с кем встречалась всю ту последнюю неделю. Ты должна стать моим поводырем.

Ви медлила с ответом.

– Ты уверена, что это хорошая идея? Это не приведет к стрессу? Твоя мама рассказала мне о твоей амнезии...

– Ты это серьезно? – перебила я ее. – Ты заодно с моей матерью?

– Прекрати, – буркнула Ви, сдаваясь.

И следующие двадцать минут она рассказывала мне обо всем, что происходило в ту неделю.

Однако чем больше она говорила, тем тяжелее становилось у меня на сердце. Никаких странных телефонных звонков. Никаких незнакомцев, неожиданно врывающихся в мою жизнь. Никаких загадочных машин, преследующих нас по городу.

– А что насчет той ночи, когда я исчезла? – спросила я, перебивая ее на полуслове.

– Мы пошли в Дельфик-парк аттракционов. Я помню, что отошла за хот-догами... а потом начался весь этот ужас. Я слышала выстрелы, люди бросились врассыпную по парку. Я вернулась, чтобы найти тебя, но тебя нигде не было. Я подумала, что ты поступила по-умному и дала деру. Но на парковке тебя не оказалось. Я бы вернулась в парк, но приехала полиция, и всех выгнали оттуда. Я пыталась им объяснить, что ты осталась в парке, но они

были не в духе. Отправили всех по домам. Я звонила тебе тыщу миллионов раз, но ты не отвечала.

Меня как будто ударили кулаком в живот. Выстрелы?! У Дельфик-парка была, конечно, не лучшая репутация в городе, но все-таки... чтобы стрельба...

Это было так странно – да просто невероятно! – что, если бы мне рассказывал обо всем этом кто-нибудь другой, а не Ви, я бы просто не поверила.

– И больше я тебя не видела, – закончила свой рассказ Ви. – А потом узнала об этой истории с захватом заложника.

– Захватом?

– Ну да. Очевидно, этот психопат, который затеял в парке стрельбу, держал тебя в заложниках в будке механика под комнатой смеха. Никто не знает почему. Он в итоге отпустил тебя и смылся.

Я открыла было рот, потом захлопнула его. Наконец с трудом выдавила:

– *Что?!*

– Полиция нашла тебя, они тебя допросили и доставили домой около двух часов ночи. Тогда тебя и видели в последний раз. А тот парень, который взял тебя в заложники... никто не знает, что с ним случилось.

Вот теперь у меня все кусочки пазла наконец встали на место.

– Значит, меня похитили прямо из дома, – сделала я вывод и продолжила: – В два часа ночи я, скорей всего, спала. Этот психованный парень, который брал меня в заложники, проследил за мной. В Дельфик-парке ему не удалось довести до конца задуманное, его прервали... и поэтому он вернулся за мной. И вломился в дом.

– В том-то и дело. Никаких следов взлома не нашли. Двери и окна были закрыты.

Я в изнеможении потеряла лоб ладонью:

– У полиции были хоть какие-нибудь зацепки? Этот псих... кем бы он ни был... не мог же он просто раствориться в воздухе.

– Они сказали, что он, вероятно, использовал фальшивое имя. Так или иначе ты сказала им, что его зовут Риксон.

– Я не знаю никого по имени Риксон!

Ви тяжело вздохнула.

– В этом-то и проблема. Никто не знает. – Она помолчала. – Есть еще кое-что. Иногда мне *кажется*, что я узнаю это имя, но когда пытаюсь вспомнить *откуда*, в голове у меня становится абсолютно пусто... Как будто эти воспоминания были, а теперь их нет. Типа как... дыра там, где должно быть это имя. Странно до жути. Я все убеждаю себя, что мне все это кажется только потому, что я *хотела бы* о нем вспомнить. Ну, ты понимаешь. Потому что если я вспомню – бинго! Мы нашли этого засранца! И тогда полиция сможет его арестовать. Слишком просто, я понимаю. И вообще все это просто болтовня... – она помолчала и добавила шепотом: – И все же... я готова поклясться...

Дверь моей спальни скрипнула, в щелку просунулась мамина голова.

– Я собираюсь ложиться спать, – сказала она, бросив взгляд на «блэкберри». – Уже поздно, нам обеим не мешает хорошенько выспаться.

Она смотрела на меня с ожиданием, и я поняла намек.

– Ви, мне пора. Я позвоню тебе завтра.

– Скажи ведьме, что я люблю ее! – И Ви повесила трубку.

– Тебе нужно что-нибудь? – мама забрала у меня из рук телефон. – Воды? Еще одно

одеяло?

– Нет, мам, всё в порядке. Спокойной ночи, – я быстро изобразила улыбку.

– Ты проверила окно?

– Трижды.

Мама все равно подошла к окну и подергала шпингалет. Убедившись в том, что защита надежна, она хмыкнула:

– Не вредно проверить еще разок, верно? Спокойной ночи, малыш, – она погладила меня по волосам и поцеловала в лоб.

Мама вышла, а я забралась под одеяло и стала так и так прокручивать в голове то, что рассказала мне Ви. Стрельба в Дельфик-парке... но *почему*?! Чего хотел добиться этот стрелок? И почему из многочисленной толпы гуляющих по парку он выбрал в заложники именно меня? Конечно, возможно, что мне просто так не повезло, но почему-то в это не верилось. Я вертела и вертела в голове одно и то же до полного изнеможения. Если бы...

Если бы я только могла вспомнить.

Зевнув, я свернулась калачиком и попыталась уснуть.

Прошло пятнадцать минут. Потом двадцать. Повернувшись на спину, я уставилась в потолок невидящими глазами, пытаюсь обмануть свою память и заставить ее врасплох. Когда это не сработало, я решила действовать прямо: начала биться головой о подушку, пытаюсь вытряхнуть из памяти какой-нибудь образ. Обрывок разговора. Запах, который может натолкнуть меня на мысль. Да что угодно! Но вскоре стало очевидно, что и таким способом я ничего не смогу добиться.

Утром, выписываясь из больницы, я была уверена, что потеряла память навсегда. Но теперь, когда первый шок прошел, а в голове начала появляться определенная ясность, я начинала думать, что это далеко не так. Теперь я словно видела мост, который разрушился у меня в голове, – мост над пропастью, по которому я могла пройти к истине. Если я сама его сломала, защищаясь от полученной во время похищения травмы, то, вероятно, я могу его и починить. Нужно только понять как.

Черный цвет. Можно начать с него. Насыщенный, необычайно густой и темный черный. Я никому об этом не говорила, но этот цвет то и дело всплывает у меня в памяти, причем в самых разных обстоятельствах. И когда это происходит, по моему телу пробегает приятная дрожь, как будто кто-то очень нежно проводит пальцем по моей щеке, приподнимая мой подбородок, чтобы я взглянула на него.

Я понимаю, что абсурдно воспринимать цвет как живое существо. Но пару раз мне показалось, что за этим цветом я вижу что-то еще, более материальное. Глаза. Черные глаза. И они заглядывали мне прямо в сердце.

Но разве возможно, чтобы какое-то из утраченных мною воспоминаний доставляло мне удовольствие, а не боль?

Я вдохнула глубоко и медленно. Мне безумно, нестерпимо хотелось следовать за этим черным цветом, куда бы он ни звал меня. Я отчаянно хотела найти эти черные глаза и заглянуть в них. Я отчаянно хотела узнать, кому они принадлежат. Цвет притягивал меня, манил за собой. С рациональной точки зрения в этом не было смысла. Но я никак не могла выкинуть это из головы, испытывая буквально гипнотическое, маниакальное желание позволить этому цвету вести меня. Эта магнетическая сила не подчинялась никакой логике.

И я позволила этому желанию расти внутри меня, пока оно не завибрировало во мне и не рассыпалось мурашками по коже. Мне стало слишком жарко, и я сбросила одеяло. Голова

гудела, я ворочалась с боку на бок. Шум в голове становился все сильнее, а потом меня начало трясти словно от температуры. Странная лихорадка.

«Кладбище, – подумала я. – Все началось на кладбище».

Черная ночь, черный туман. Черная трава, черные надгробия. Блестящая черная река. И этот взгляд черных глаз, наблюдающих за мной. Я больше не могла не обращать внимания на эти вспышки черного в моей памяти, не могла спрятаться от них, не могла сделать вид, что их нет. И знала, что не успокоюсь, пока не разберусь во всем этом.

Вскочив с постели, я натянула через голову рубашку, влезла в джинсы и накинула на плечи кардиган. Около двери своей комнаты я притормозила. В коридоре было тихо, только тикали дедушкины часы на первом этаже. Дверь маминной комнаты была приоткрыта, но свет в ней не горел. И если прислушаться, то можно было услышать, как она посапывает во сне.

Я бесшумно спустилась по лестнице, взяла фонарик и ключи от дома и выскользнула через заднюю дверь, опасаясь, что скрипучие ступеньки парадного крыльца выдадут меня с головой. И кроме того, напротив главного входа дежурил полицейский офицер в форме: его поставили, чтобы он не подпускал близко репортеров и папарацци, но я предполагала, что если он увидит, как я выхожу на прогулку в такое время, тут же сообщит об этом детективу Бассо.

Здравый смысл тоненьким голоском пытался протестовать и убедить меня, что, пожалуй, это была не самая лучшая из моих идей, но я находилась под властью загадочного гипноза. *Черная ночь. Черный туман. Черная трава, черные надгробия. Черная блестящая река. Взгляд черных глаз.*

Я должна найти эти глаза. Они знают ответы.

Через сорок минут я входила в сводчатые ворота кладбища Колдуотера. Ветер срывал с деревьев листву, и листья, кружась, словно маленькие темные вихри, танцуя, опускались на землю. Могилу отца я нашла без труда. Дрожа от ночной промозглой прохлады, методом проб и ошибок я все-таки отыскала ту плоскую могильную плиту, с которой все началось.

Нагнувшись, я провела пальцем по истертому мрамору. Закрыла глаза и отключилась от звуков ночи, полностью концентрируясь на черных глазах. Я не знала, кому адресую свой вопрос, я посылала его в пустоту, в никуда, надеясь, что меня все-таки услышат.

Как я могла уснуть на кладбище после одиннадцати недель в плену?

Я открыла глаза и осмотрелась. Запах прелых осенних листьев – признак неотвратимо надвигающейся осени... резкий аромат скошенной травы... трепет крыльев пролетающих мимо насекомых... ничто не помогало мне найти ответ на мой вопрос. К горлу подкатил ком, я проглотила его, не желая признавать поражение. Черный цвет, который дразнил меня последние дни, обманул меня. Сунув руки в карманы джинсов, я развернулась к выходу, собираясь уходить.

Краем глаза я заметила на траве какое-то темное пятно. Это было черное перо. Я подняла его. Оно было длиной с мою руку – от плеча до запястья. Я нахмурилась, пытаюсь представить себе птицу, которой могло принадлежать такое перо. Оно было слишком большим для вороны. Оно было слишком большим для *любой* птицы, насколько я могла судить. Я провела пальцем по перу, взъерошив шелковистые ворсинки, но оно немедленно приняло прежний вид, каждая ворсинка вернулась на свое место.

Со дна памяти что-то поднималось. «Ангел... – казалось, я слышу чей-то ласковый шепот. – *Ты моя*».

Как это ни глупо, я смутилась и вспыхнула. Огляделась по сторонам, чтобы убедиться,

что здесь никого нет.

«Я не забыл тебя».

Я застыла, не двигаясь с места, и ждала, что голос раздастся снова, но он растворился в ветре. Какое бы воспоминание ни вспыхнуло, оно снова утонуло в пучине забвения, прежде чем я смогла ухватиться за него. Я не могла решить: выкинуть это перо немедленно или спрятать его там, где никто не смог бы найти. Меня не оставляло ощущение, что я наткнулась на какую-то тайну, на что-то очень личное... что может принести немало бед, если перо обнаружат.

На парковку у кладбища на вершине холма на полной скорости ворвалась машина, из окон грохотала музыка. Я слышала выкрики и громкий смех и не удивилась бы, узнав, что это машина кого-нибудь из моих одноклассников. Эта часть города, утонувшая в зелени и далекая от центра, была отличным местечком для ночных безбашенных гулянок. Сталкиваться с кем-нибудь из знакомых мне совсем не хотелось, особенно учитывая тот факт, что мое возвращение вызвало сенсацию в местных новостях. Поэтому я сунула перо под мышку и быстрым шагом направилась к шоссе.

В дом я вошла примерно в половине третьего и, аккуратно заперев дверь, на цыпочках пошла по лестнице вверх. В нерешительности постояв в центре комнаты, после долгих раздумий я все же спрятала перо в средний ящик комода, где лежали носки, легинсы и шарфики. Теперь я даже не могла объяснить, зачем вообще притащила его домой. На меня было совершенно не похоже подбирать странные предметы на улице и уж тем более прятать их в комоде... Но этот вызвал воспоминание...

Скинув одежду, я широко зевнула и повернулась к постели. На полпути я остановилась как вкопанная. На подушке лежал листок бумаги. Его не было там, когда я уходила.

Я резко повернулась к двери, ожидая увидеть на пороге маму, рассерженную и заметившую мой побег. Хотя, если рассуждать здраво, вряд ли она ограничилась бы тем, что оставила записку на подушке, обнаружив, что меня нет в постели.

Я взяла записку – руки у меня дрожали. Это был обычный тетрадный листок, на каких пишут в школе. Сообщение было накарябано черным маркером явно второпях:

То, что ты дома, вовсе не значит, что ты в безопасности.

Испуганная и растерянная, я скомкала записку и бросила в стену. Подскочив к окну, подергала шпингалет, чтобы убедиться, что оно заперто. Открыть окно и выглянуть наружу я не осмелилась, но приставила ладони козырьком к глазам и внимательно осмотрела тени, которые лежали на газоне перед домом, словно длинные тонкие кинжалы. Кто мог оставить записку, я даже не представляла, но была уверена в одном: я точно закрыла дверь на замок, перед тем как уйти. А до того, как мы отправились наверх спать, мама на моих глазах обошла весь дом и проверила все окна и двери как минимум трижды.

Но тогда как непрошенный гость попал в дом?

И что означала эта записка? Она была загадочной и жестокой. Чья-то дурацкая шутка? В данный момент это казалось самым подходящим объяснением.

Спустившись в холл, я толкнула приоткрытую дверь маминой спальни и заглянула внутрь:

– Мам?

Она рывком села в постели:

– Нора?! Что случилось? Плохой сон? – И после паузы: – Ты что-то вспомнила?

Я включила ночник, неожиданно испугавшись темноты.

– Я нашла в своей комнате записку. Там было написано, что я ошибаюсь, если думаю, что я в безопасности.

От резкого света мама заморгала, я видела, что смысл моих слов доходит до нее постепенно. Но вот она поняла и проснулась окончательно.

– Где ты нашла записку?! – воскликнула она.

– Я...

Я не была уверена, как она среагирует на правду. Если начистоту, я повела себя ужасно. Вот так, одной, улизнуть из дома... после того как меня похитили... Но опасаться повторного похищения не получалось – я ведь не помнила первого! И я должна была пойти на кладбище, иначе бы просто спятила. Этот черный цвет привел меня туда. Глупо, необъяснимо, но так оно и было.

– Она была у меня под подушкой. Я, должно быть, не заметила ее, когда ложилась спать, – солгала я. – А во сне ворочалась и слышала, как шуршит бумага.

Мама накинула халат и побежала в мою комнату.

– Где записка? Я хочу прочитать ее сама. И нужно немедленно сообщить об этом детективу Бассо.

Она уже схватила телефон и набрала его номер по памяти. Я вдруг подумала, что они, должно быть, неплохо сработались за то время, что меня не было.

– У кого еще есть ключ от дома? – спросила я.

Она жестом велела мне подождать и одними губами, беззвучно проговорила: «Автоответчик».

– Детектив Бассо, это Блайт, – сказала она автоответчику. – перезвоните мне, как только будет такая возможность. Нора нашла сегодня ночью к своей комнате записку. – Ее взгляд на мгновение замер на мне. – Возможно, ее написал человек, который похитил мою дочь. Двери в доме были заперты все время, так что эту записку должны были положить до того, как мы вернулись домой.

Отключившись, она повернулась ко мне:

– Он скоро перезвонит. А пока я отдам записку тому полицейскому, что дежурит на улице. И пусть он обыщет дом. Где она?

Я показала на бумажный шарик в углу, но не сдвинулась с места, чтобы поднять его. Я не хотела снова увидеть то, что там написано. Что это – шутка или... угроза? *«То, что ты дома, вовсе не значит, что ты в безопасности»*. Звучало как угроза.

Мама прижала скомканный листок к стене и ладонью разгладила его.

– Здесь ничего не написано, Нора, – произнесла она.

– Что?

Я подошла поближе. Она была права – слова исчезли. Я поспешно перевернула листок, но и обратная его сторона была пуста.

– Но... оно здесь было! – Я была совершенно обескуражена. – Вот здесь было написано...

– Наверно, тебе показалось. Как продолжение сна.

Мамин голос звучал ласково. Она притянула меня к себе, обняла и погладила по спине. От этого мне не стало лучше. Неужели я просто придумала эту записку? Зачем? Паранойя? Приступ паники?

– Мне не показалось, – в моем голосе не было уверенности.

– Все хорошо, – шепнула мама. – Доктор Хьюлетт предупреждал, что такое может случиться.

– Что может случиться?

– Он говорил, что вполне возможно, что ты будешь слышать то, чего на самом деле нет, и...

– Например?

Она ответила спокойно:

– Голоса и другие звуки. Он не говорил о том, что у тебя могут быть видения, но ведь все бывает, Нора. Твой разум, твое тело пытаются восстановиться. Твой организм пережил очень серьезный стресс, и нужно набраться терпения.

– Он говорил, что у меня могут быть *галлюцинации*?

– Шшшш, – она мягко взяла мое лицо в свои ладони. – Наверно, пока ты не справишься, такие вещи могут случаться. Твой разум изо всех сил старается излечиться, и мы должны дать ему время. Как любой другой болезни. И мы пройдем с тобой через это вместе.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает ком, но сдержала слезы. Почему я?! На свете миллиарды людей – *почему именно я?!* Кто сделал это со мной? Мысли бежали по кругу, мозг лихорадочно искал ответы, но я не могла вспомнить ни лица, ни голоса – ничего. Я не могла вспомнить ровным счетом ничего.

– Ты боишься? – шепнула мама.

Я отвернулась:

– Нет. Я злюсь.

Я свернулась калачиком в постели и неожиданно быстро заснула. На грани сна и бодрствования, все глубже погружаясь в долгожданное забвение и бесчувствие глубокого сна, я мысленно плутала по длинному темному лабиринту, который сужался с каждым моим шагом. Сон, благословенный сон, и учитывая, какая у меня была ночь, я с радостью приветствовала его.

Вот в конце туннеля открылась дверь. Открылась как будто сама собой. И за этой дверью был свет, осветивший лицо, такое знакомое, что я почти проснулась. Черные волосы, влажные после душа, завивались около ушей в колечки. Бронзовая кожа, гладкая и упругая, стройное тело, высокий – он был как минимум сантиметров на пятнадцать выше меня. Джинсы сидели на бедрах низко, торс обнажен, ноги босые, на одном плече болталось полотенце.

Наши взгляды встретились, его черные глаза смотрели на меня с изумлением, которое быстро сменилось тревогой.

– Что ты здесь делаешь? – тихо сказал он.

Патч. Сердце у меня забилося быстрее. *Это Патч.*

Я не помнила, откуда знаю его, но я точно знала его. Мост в моей голове по-прежнему был сломан, но при виде Патча маленькие кусочки постепенно сложились вместе. Воспоминания, от которых у меня в животе запорхали бабочки. Вспышка воспоминания – я сижу с ним рядом на биологии. Еще вспышка – он стоит очень близко ко мне, показывая, как играть в бильярд. Ослепляюще-жаркая вспышка – его губы на моих губах...

Я искала ответы, и эти поиски привели меня сюда. К Патчу. Я нашла способ обмануть свою амнезию. Это был не просто сон, нет: это был подсознательный путь к Патчу. Теперь я понимала, что мучило меня все это время, заставляя чувствовать пустоту и неудовлетворенность. Разум мой этого не мог постичь, но на другом, подсознательном уровне я все время знала это: мне *нужен* был Патч. И неважно, что меня привело сейчас сюда: судьба, удача, сила воли или что-то еще, о чем я и не догадываюсь. Главное, я нашла его.

Преодолев шок, я все же нашла в себе силы ответить:

– Это ты мне скажи.

Он просунул голову в дверь, обвел глазами туннель:

– Это сон. Ты ведь понимаешь, что это сон?

– Тогда почему ты волнуешься, не следит ли кто-нибудь за мной?

– Тебе нельзя находиться здесь.

Резкие и холодные слова сорвались с моих губ сами собой:

– Я, кажется, нашла способ общаться с тобой. И знаешь, мне остается только сказать, что я надеялась на более теплый прием. Ты ведь знаешь ответы на все вопросы, не так ли?

Он закрыл мне рот ладонью. Все это время он не сводил глаз с моего лица.

– Я пытаюсь сохранить тебе жизнь.

В голове у меня мутилось, я никак не могла в полной мере понять, что на самом деле означает этот сон. Пульсировала одна лишь мысль: *«Я нашла его! После всего этого я нашла Патча. А он... вместо того чтобы радоваться вместе со мной... эта его холодная отстраненность...»*

– Почему я ничего не помню? – спросила я, силясь проглотить застрявший в горле комок. – Почему я не могу вспомнить, как, когда или почему ты оставил меня?

Потому что я была уверена, что именно это и произошло. Он бросил меня. Иначе сейчас мы были бы вместе.

– Почему ты не искал меня? Что вообще со мной случилось? Что случилось с *нами*?

Патч сцепил руки в замок на шее и прикрыл глаза. Он стоял неподвижно, словно каменный, только легкая дрожь в мышцах выдавала его волнение.

– Почему ты бросил меня? – прошептала я.

Он выпрямился:

– Ты действительно веришь, что я бросил тебя?

Комок у меня в горле стал еще больше.

– А что я должна думать? Ты пропал на несколько месяцев, а теперь, когда я наконец нашла тебя, ты даже не смотришь мне в глаза!

– Я сделал то единственное, что должен был сделать. Отказался от тебя, чтобы спасти тебе жизнь. – Желваки у него ходили ходуном. – Это было не простое решение. Но единственно правильное.

– *Отказался?* Вот так просто? И сколько времени тебе понадобилось, чтобы принять это решение? Секунды три?

Глаза у него стали похожи на льдинки.

– Да, примерно столько времени у меня и было.

Еще несколько кусочков пазла соединились друг с другом.

– Кто-то заставил тебя отказаться от меня? Ты это пытаешься мне сказать?

Он не отвечал, но я и сама знала ответ.

– Кто заставил тебя бросить меня? Кто так сильно тебя напугал? Патч, которого я знала, ни от кого никогда не бегал! – От боли, которая разрывала меня изнутри, я перешла на крик: – Я бы боролась за тебя, Патч! Я бы *боролась* за тебя!

– И проиграла бы. Выхода не было. Он поставил на кон твою жизнь. У него были все козыри: у него была ты. А значит, и я.

– У него? Кто *он* такой?

Ответа я не получила.

– Ты хоть пытался найти меня? Или это было так просто, – мой голос треснул, – оставить меня?

Патч рывком сдернул полотенце с плеча и отбросил его со сторону. Глаза у него пылали, грудь тяжело вздымалась при каждом вздохе, но мне показалось, что гнев его адресован не мне.

– Тебе нельзя находиться здесь, – повторил он твердо. – И ты должна перестать искать меня. Тебе нужно вернуться к обычной жизни и постараться стать счастливой. Не для меня, – добавил он поспешно, словно догадываясь, что я хочу сказать. – Для себя. Я сделал все, что мог, чтобы он держался от тебя подальше, и собираюсь делать это и впредь, но мне нужна твоя помощь.

– Так же как мне нужна *твоя* помощь? – уточнила я. – Патч, ты нужен мне. Я хочу, чтобы ты вернулся. Я запуталась, мне страшно. Ты знаешь, что я ничего не помню? Впрочем, конечно, знаешь... – я почувствовала горечь от внезапной догадки. – Конечно. Поэтому ты и не пришел. Ты знаешь, что я не помню тебя, и поэтому решил соскочить с крючка. Вот уж не думала, что ты выберешь путь наименьшего сопротивления. Только я не забыла тебя, Патч. Я вижу тебя во всем. Я все время вижу черный цвет – цвет твоих глаз, твоих волос. Я чувствую твои прикосновения, помню, как ты обнимал меня...

Я не могла вздохнуть, поэтому замолчала.

– Будет лучше, если ты никогда не узнаешь правды, – бесстрастно произнес Патч. – Согласен, это самое плохое объяснение из тех, что я когда-либо тебе давал, но поверь мне, для твоего же блага лучше не знать некоторых вещей.

Я засмеялась, но смех мой звучал глухо и вымученно.

– Значит, всё?

Он приблизился ко мне и, когда я уже думала, что сейчас он обнимет меня, остановился, взяв себя в руки. Я выдохнула, изо всех сил стараясь не плакать. Он положил руку на косяк двери прямо над моим ухом. От него так чудесно пахло, такой родной запах – мыла и свежести... этот запах пьянил меня, пробуждая очень приятные воспоминания, и от этого было еще тяжелее, просто невыносимо. Я разрывалась от желания коснуться его, провести пальцами по его коже, почувствовать, как его руки нежно обнимают меня... я жаждала всем своим существом, чтобы он уткнулся лицом в мою шею, чтобы его дыхание щекотало мне ухо, когда он говорил бы самые сокровенные слова, принадлежащие мне одной... я хотела, чтобы он был близко, как можно ближе, так близко ко мне, что нас невозможно было бы разъединить.

– Ничего не кончено, – произнесла я. – После всего, через что нам пришлось пройти, ты не имеешь права отталкивать меня. И я не позволю тебе вот так просто уйти.

Я и сама не знала, угроза это, желание уколоть напоследок или просто бесполезные слова, которые рвались прямо из моего разбитого сердца.

– Я хочу защитить тебя, – тихо проговорил Патч.

Он был так близко. Сила, страсть, власть... Я не смогу скрыться от него сейчас, как не могла раньше. Он всегда должен быть рядом со мной, он навсегда завладел моими мыслями, он держал мое сердце на своей ладони. Меня тянуло к нему с непреодолимой силой, и я не могла даже контролировать это притяжение, не то что сбежать от него.

– Но ты не сделал этого.

С невыразимой нежностью он взял меня за подбородок:

– Ты правда так думаешь?

Я попыталась высвободиться, но не слишком решительно. Я не могла сопротивляться его прикосновениям – ни тогда, ни сейчас, ни когда-либо.

– Я не знаю, что мне думать. Винишь меня за это?

– У меня длинная биография, и хорошего в ней не так много. Я не могу изменить ее, но я не хочу совершить еще одну ошибку. Не сейчас, когда ставки слишком высоки, когда дело касается тебя. У меня есть определенный план, но для его осуществления нужно время.

Он все-таки обнял меня, убирая волосы с моего лица, и что-то внутри меня сломалось от его прикосновения. Горячие слезы побежали по моим щекам, обжигая кожу.

– Если я потеряю тебя, я потеряю все, – шепнул он.

– Кого ты так боишься? – повторила я свой вопрос.

Он положил руки мне на плечи, прижался лбом к моему лбу.

– Ты моя, Ангел. И я никому не позволю это изменить. Ты права – это не конец. Это только начало. Но нам придется очень нелегко, – он устало вздохнул. – Ты не вспомнишь этот сон и не вернешься сюда. Я не знаю, как ты нашла меня, но мне нужно быть уверенным, что ты не сможешь сделать этого еще раз. Я сотру твои воспоминания об этом сне. Ради твоей безопасности ты видишь меня последний раз.

Я почувствовала, как растет во мне тревога. Отстранившись, я взглянула в лицо Патча и испугалась решимости, которую оно выражало. Я открыла рот, чтобы возразить, и...

И тут мой сон рассыпался, словно песок...

Утром я проснулась с затекшей шеей и смутным воспоминанием о странном, бесцветном сне. После душа я нацепила полосатую тунику, легинсы и ботинки. По крайней мере, для внешнего мира я должна выглядеть собранной. На то, чтобы разобраться с внутренним, уйдет больше чем сорок пять минут.

Я пробралась в кухню, где обнаружила маму, которая варила овсянку старым добрым способом, в ковшике на плите. Насколько я могла вспомнить, она делала это впервые после папиной гибели. Думаю, на нее повлияли события минувшей ночи.

– Ты рано встала, – сказала мама, которая резала клубнику около раковины.

– Уже начало девятого, – ответила я. – Детектив Бассо звонил? – Я постаралась сделать вид, что мне абсолютно все равно, что он сказал, и начала стряхивать с одежды несуществующие пылинки.

– Я объяснила ему, что это была ошибка. Он понял.

Значит, они решили, что у меня была галлюцинация. Я была той самой девочкой, которая кричала: «Волк!» – и отныне, что бы я ни говорила, все будет восприниматься как плод моей больной фантазии. *«Бедняжка. Ты просто кивай в ответ и говори что-нибудь веселое».*

– Может, вернешься в постель, а я принесу тебе завтрак, когда он будет готов? – предложила мама, возвращаясь к клубнике.

– Да нет, я в порядке. Выспалась.

– Принимая во внимание все, что произошло, мне кажется, тебе стоит отдохнуть. Поспи, почитай хорошую книгу или прими ванну с душистой пеной...

Я не могла припомнить, чтобы моя мама хоть раз в жизни предлагала мне побездельничать в учебный день. Наш обычный диалог за завтраком представлял собой обмен фразами типа: «Ты закончила сочинение? Обед взяла? Постель заправила? Можешь заплатить за электричество по дороге в школу?»

– Так что насчет завтрака в постель? – мама сделала еще одну попытку. – Что может быть лучше!

– А что насчет школы?

– Школа может подождать.

– Как долго?

– Я не знаю, – ответила она беспечно. – Неделю. Или две. Пока тебе не станет лучше.

Она, может быть, и не знала. А вот я за несколько секунд уже приняла решение. Конечно, можно было бы воспользоваться ее предложением, но сейчас это не входило в мои планы.

– Конечно, это здорово, знать, что у меня есть целых пара недель в запасе, прежде чем я стану нормальной.

Мама отложила нож:

– Нора...

– Это ничего, что я не могу вспомнить последние пять месяцев. Ничего, что отныне каждый раз, когда какой-нибудь незнакомец в толпе скользнет по мне взглядом, я буду спрашивать себя: не *он* ли это. И даже лучше, что о моей амнезии трубили все новости. Ведь теперь он знает, что я его не могу узнать. Наверно, я должна радоваться, что так прекрасно

прошла те тесты доктора Хьюлетта – это, вероятно, означает, что ничего ужасного со мной в эти одиннадцать недель не случилось. Возможно, я даже смогу убедить себя, что все это время принимала солнечные ванны в Канкуне. А что, очень даже возможно! Может, этот мой похититель хотел как-то выделиться, сделать что-то неожиданное, побаловать свою жертву! Правда в том, что на мое возвращение к нормальности могут уйти годы. А может быть, этого вообще никогда не произойдет. И уж точно это не произойдет, если я буду валяться на диване, смотреть сериалы и прятаться от реальной жизни. Я иду сегодня в школу. И точка, – закончила я безапелляционно, но сердце у меня в груди подпрыгнуло при мысли об этом. Я постаралась отбросить страх и сомнения, убеждая себя, что это единственный способ вернуть себе свою жизнь обратно.

– В школу?! – мама повернулась ко мне, забыв и о клубнике, и об овсянке.

– Судя по календарю на стене, сегодня десятое сентября, – сказала я. Мама молчала, и я продолжила: – Занятия начались два дня назад.

Она поджала губы:

– Я в курсе, Нора.

– А раз занятия начались, разве мне не следует быть в школе?

– В принципе следует.

Мама вытерла руки о фартук. Мне показалось, что она хочет еще что-то сказать, но колеблется или подбирает нужные слова. Что бы там ни было, мне бы хотелось, чтобы она говорила прямо. Сейчас любые, даже самые жесткие споры были лучше сочувственного молчания.

– С каких это пор ты одобряешь прогулы? – я попыталась подтолкнуть ее к разговору.

– Не хочу вмешиваться и указывать тебе, как жить, но думаю, что тебе нужно слегка притормозить.

– Притормозить? Я не помню последние несколько месяцев своей жизни! Я не собираюсь «тормозить» и позволять ответам на вопросы ускользать еще дальше от меня! Единственный способ справиться с тем, что случилось, это вернуться к своей жизни. Я иду в школу. А потом я пойду с Ви есть пончики или что-нибудь еще такое же вредное – не знаю, чего она захочет сегодня. А потом я приду домой и буду делать домашнее задание. А потом я буду засыпать, слушая папины старые записи. Я столько всего теперь не знаю. Я смогу справиться с этим и не утонуть, только цепляясь за то, что знаю.

– Много изменилось, пока тебя не было...

– Думаешь, я не догадываюсь?

Мне не хотелось грубить ей, но я не могла понять, как она может вот так стоять и читать мне лекции. Почему она думает, что может что-то советовать мне? Она разве была хотя бы раз в положении, хотя бы отдаленно напоминающем мое?

– Поверь мне, я понимаю это. И мне очень страшно. Я знаю, что ничего нельзя вернуть, и это пугает меня. Но в то же время...

Как мне объяснить ей это, когда я и себе самой толком не могла это объяснить. *Вернуться* – это означало оказаться в безопасности. *Вернуться* – это означало иметь возможность все контролировать. Разве могу я идти вперед, если земля уходит у меня из-под ног?

Она набрала побольше воздуха в грудь и произнесла:

– Я встречаюсь с Хэнком Милларом.

Ее слова дошли до меня не сразу. Я уставилась на нее, чувствуя, как брови у меня в

недоумении ползут вверх.

– Прости, что?

– Это произошло, пока тебя не было. – Она вцепилась рукой в край стола, и мне показалось, что только это не дает ей упасть.

– Хэнк Миллар? – Вот уже второй раз за это время мой мозг отказывался воспринимать полученную информацию.

– Он развелся.

– Развелся?! Меня не было всего три месяца.

– Нора... все эти долгие дни и месяцы, когда я не знала, где ты, жива ли ты вообще... он был единственным, что у меня оставалось.

– Отец Марси? – на всякий случай уточнила я, растерянн моргая.

Я никак не могла пробраться сквозь туман, который наполнил сейчас всю мою голову, от одного уха до другого. Моя мама встречается с отцом Марси – единственной девушки на свете, которую я ненавидела по-настоящему. Той самой Марси, которая поцарапала ключом мою машину, забросала яйцами мой шкафчик и дала мне прозвище «Нора-шлюшка».

– Мы раньше встречались. В старших классах и в колледже. До того, как я встретила твоего отца, – поспешно добавила мама.

– Ты... – голос наконец вернулся ко мне, – *и Хэнк Миллар.*

Она заговорила очень быстро:

– Я знаю, как ты относишься к Марси. И знаю, что сейчас ты воспринимаешь его через твоё отношение к Марси. Но на самом деле он очень милый! Такой заботливый, щедрый и романтичный, – она улыбнулась, а потом покраснела, смутившись.

Я была вне себя. Так вот чем занималась моя мама, пока меня не было?

– Отлично.

Я взяла банан из вазы с фруктами и направилась к выходу.

– Мы можем хотя бы поговорить об этом? – Я слышала, как шлепают ее босые ноги по деревянному полу, когда она пыталась меня догнать. – Ты можешь хотя бы выслушать меня?

– Вроде как поздновато для «вечеринки-давай-это-обсудим».

– Нора!

– Ну что?! – огрызнулась я, оборачиваясь. – Что ты хочешь, чтобы я сказала? Что я счастлива за тебя? Это не так. Мы всегда смеялись над Милларами. Мы шутили, помнишь, что Марси такая из-за того, что она отравилась ртутью, которая содержится в этих дорогуших морепродуктах, которые употребляет ее семейство. И теперь ты встречаешься с *ним*?!

– Да. Именно. С *ним*. А не с Марси.

– Для меня это одно и то же! Ты хоть подождала, пока высохнут чернила на свидетельстве о его разводе? Или все это началось еще раньше, когда он был женат на матери Марси? Ведь три месяца – это очень короткий срок!

– Я не обязана отвечать на такие вопросы! – Явно чувствуя, как пылает у нее лицо, мама пыталась успокоиться, потирая затылок. – Ты так реагируешь потому, что думаешь, будто я предаю твоего отца? Так поверь, я уже достаточно себя измучила и истерзала, думая, не рано ли двигаться дальше. Но он сам хотел бы, чтобы я была счастлива. Он бы точно не хотел, чтобы я вечно грустила и жалела себя.

– Марси в курсе?

Она вздрогнула от неожиданности:

– Что? Нет. Не думаю, что Хэнк уже сказал ей.

То есть пока я могу жить, не боясь, что Марси отыграется на мне за решения наших родителей. Конечно, когда она узнает, могу поспорить, что возмездие будет максимально жестоким и унижительным для меня.

— Я опаздываю в школу, — я начала рыться в вазочке на столике в прихожей. — Где мои ключи?

— Они лежат там.

— Ключи от дома у меня. Где ключи от моего «фиата»?

Мама сжала пальцами переносицу:

— Я... продала «фиат».

Я вперила в нее тяжелый взгляд:

— Ты продала мою машину? Как это?

Говоря откровенно, раньше я частенько ругала свою машину: я ненавидела эту коричневую, облупившуюся местами краску, эти потрепанные белые кожаные сиденья, эту постоянно ломавшуюся коробку передач. Но все-таки. Это была *моя* машина. Неужели мама так легко выкинула меня из своей жизни после моего исчезновения, что начала распродавать мои вещи?

— А что еще? Что *еще* ты продала, пока меня не было?! — спросила я.

— Я продала ее еще до того, как ты пропала, — прошептала она, опустив глаза.

В горле у меня опять стоял ком. Значит, я знала, что она продала мою машину, но не помнила об этом. Это лишний раз напомнило мне, насколько незащитной я стала. Даже с матерью я не могла поговорить, чтобы не выглядеть полной идиоткой. Вместо того чтобы извиниться, я распахнула входную дверь и вышла на крыльцо.

И тут же вернулась с вопросом:

— А это чья машина?

Белый «фольксваген»-кабриолет стоял на той самой бетонной площадке, где раньше обитал «фиат». И судя по его виду он поселился здесь давно. Наверно, вчера, когда мы приехали из больницы, он тоже стоял здесь, но у меня было не то настроение, чтобы смотреть по сторонам. А когда я единственный раз за это время выходила из дома, я воспользовалась черным ходом.

— Твоя.

— В каком смысле моя? — я поднесла ладонь к глазам, защищаясь от яркого утреннего солнца, и сердито взглянула на маму.

— Скотт Парнелл тебе подарил.

— Кто?

— Их семья вернулась в город в начале лета.

— Скотт? — Имя показалось мне знакомым, и я начала рыться в памяти, пытаюсь сообразить, о ком идет речь. — Мальчик, с которым я ходила в детский сад? Тот, который переехал в Портленд много лет назад?

Мама устало кивнула.

— А с чего бы ему дарить мне машину?

— Мне так и не удалось спросить тебя об этом. Ты пропала в ту ночь, когда он поставил ее здесь.

— Значит, я исчезла в ту самую ночь, когда Скотт ни с того ни с сего подарил мне машину? И это не вызвало ни у кого никаких подозрений? Никому не показалось это тревожным звоночком? Разве это нормально, чтобы парень-подросток дарил малознакомой

девушке, которую не видел несколько лет, автомобиль? Что-то тут не так. А может... может, эта машина является какой-то уликой и ему надо было избавиться от нее? Это тебе в голову никогда не приходило?

– Полиция проверила машину. Они допросили бывшего владельца. Но я думаю, что детектив Бассо снял все подозрения со Скотта после того, как услышал твой рассказ о событиях той ночи. В тебя ведь стреляли перед тем, как ты пропала, и сначала детектив Бассо думал, что стрелком был Скотт, но ты сказала ему, что в тебя стрелял...

– В меня стреляли? – я покачала головой, совершенно сбита с толку. – Как стреляли?

Мама на секунду прикрыла глаза и вздохнула:

– Из пистолета.

– Что?!

Да как же Ви могла не сказать мне о таком?!

– В Дельфик-парке, – мама качнула головой. – Я даже вспоминать об этом не хочу, – прошептала она, голос у нее прерывался. – Меня не было в городе, когда мне позвонили. И я не успела приехать вовремя. И больше тебя уже не видела. Ни о чем в жизни я так не жалею! Перед тем как пропасть, ты сказала детективу Бассо, что в тебя стрелял в комнате смеха человек по имени Риксон. Ты сказала, что Скотт тоже был в это время там и что Риксон подстрелил и его тоже. Полиция разыскивала этого Риксона, но он будто сквозь землю провалился. Детектив Бассо считает, что Риксон – это не настоящее его имя.

– Куда меня ранили? – спросила я, чувствуя, как по коже побежали неприятные мурашки.

Я не видела у себя шрама или какого-нибудь следа от раны.

– В левое плечо. – Маме, казалось, этот разговор причинял физическую боль. – Пуля прошла насквозь, задев только мышцу. Нам очень, очень повезло.

Я оттянула воротник туники и посмотрела на свое левое плечо. Действительно, там виднелся небольшой шрам.

– Полиция много недель разыскивала этого Риксона. Они изучали твой дневник, но ты вырвала оттуда несколько страниц, и они не нашли упоминания о нем в тех записях, что остались. Они допрашивали Ви, но она утверждала, что никогда не слышала этого имени. Он не значился в школьной картотеке, в полиции о нем тоже данных не было...

– Я вырвала страницы из собственного дневника? – перебила я. Это совсем не было на меня похоже. С какой стати мне было это делать?

– Ты не помнишь, куда их убрала? Или, может быть, помнишь, о чем там было написано?

Я покачала головой. Что же я такого натворила, что мне пришлось это скрывать и замечать следы?!

Мама вздохнула:

– Этот Риксон словно призрак, Нора. И куда бы он ни подевался, ответы на все вопросы он унес с собой.

– Нет уж. Я не могу это принять, – возразила я. – А что насчет Скотта? Что он рассказал, когда детектив Бассо его допрашивал?

– Детектив Бассо бросил все силы на то, чтобы выследить Риксона. Не уверена, что он вообще допрашивал Скотта. Когда я последний раз разговаривала с Линн Парнелл, она сказала, что Скотт уехал. Он сейчас, наверное, в Нью-Хэмпшире, торгует средствами от насекомых.

– И всё? – недоверчиво переспросила я. – То есть детектив Бассо никогда не пытался найти Скотта и выслушать его показания?

Мой мозг работал в аварийном режиме.

Что-то с этим Скоттом было не так. Я ведь, по словам мамы, сказала полиции, что Риксон и его тоже подстрелил. Значит, он был единственным свидетелем того, что Риксон вообще существовал. И как это было связано с подаренным «фольксвагеном»? Мне казалось, что какое-то звено в этой цепочке фактов отсутствовало. Может быть, самое важное.

– Я уверена, у него были причины не допрашивать Скотта.

– О, я тоже в это уверена, – цинично подхватила я. – Например, его некомпетентность.

– Если бы ты не была так настроена против детектива Бассо, то ты увидела бы, что он вообще-то очень проницательный. И очень хороший профессионал.

Я не хотела слушать все это.

– И что теперь?

– Теперь... теперь надо делать то единственное, что можем. Просто жить дальше.

Я на время выбросила из головы Скотта Парнелла. Мне надо было разобраться еще со столькими вопросами. Что еще скрывалось от меня в темных закоулках моей памяти? Сколько еще неприятных открытий меня ожидало? Неужели я день за днем буду узнавать все новые унижительные подробности о своей жизни? Теперь я могла себе представить, что ждет меня в школе. Взгляды украдкой, полные жалости. Неловкие попытки не смотреть мне в глаза. Постукивание пяткой об пол и продолжительные паузы. И вообще, получается, что самое безопасное и простое решение – просто держаться от меня подальше.

Я чувствовала, как во мне закипает ярость. Я не хотела быть героиней спектакля. Не хотела быть объектом сумасшедших домыслов и фантастических гипотез. Какие слухи о моем похищении уже гуляют по городу? Что теперь обо мне думают люди?

– Если встретишь как-нибудь Скотта, покажи его мне, чтобы я могла сказать спасибо за машину, – с горечью произнесла я. – Сразу после того, как я спрошу его: почему и зачем он ее мне подарил. Может, вы с детективом Бассо и верите в его невиновность, но слишком уж много деталей во всей этой истории не стыкуются друг с другом.

– Нора...

Я вытянула ладонь вперед:

– Ты дашь мне ключи?

После секундной заминки она отцепила ключ от своей связки и положила мне его в руку:

– Пожалуйста, будь осторожна.

– О, не волнуйся. Единственная опасность, которая мне грозит, это выставить себя дурой. Как ты думаешь, есть еще кто-то, кого я могу сегодня не узнать, даже если врежусь в него? К счастью, дорогу до школы я помню прекрасно. – Я с силой распахнула дверцу и залезла внутрь машины. – О, ты только глянь: пять скоростей! Хорошо, что научилась водить такие машины до того, как потеряла память.

– Я знаю, что это не самый подходящий момент, но... нас пригласили сегодня на ужин.

Я подняла на нее ледяной взгляд:

– Удиви меня.

– Хэнк... он хотел отвести нас в «Куперсмит». Чтобы отпраздновать твое возвращение.

– Какой он чуткий. – Я вставила ключ в замок зажигания и повернула его. Судя по тому, какие звуки издавал двигатель, машиной не пользовались с того самого дня, как меня

похитили.

– Он старается, Нора, – мама попыталась перекрычать вой двигателя. – Он очень старается, чтобы все было хорошо.

Я проглотила было колкость, готовую сорваться с моего языка, но потом все-таки не смогла удержаться. Пусть я потом пожалею об этом.

– А как насчет тебя, мама? Ты стараешься, чтобы все было хорошо? Потому что я не буду врать, мама. Если он останется, уйду я. А теперь извини, мне надо как-то начинать заново жить свою жизнь.

На школьной парковке для учеников я нашла свободное место и, поставив машину, побрела по газону к боковому входу. Из-за ссоры с мамой я опоздала. Уехав из дома, я еще добрых пятнадцать минут сидела в машине на обочине шоссе – мне надо было успокоиться. *Она встречается с Хэнком Милларом.* Она, наверное, садистка. Хочет окончательно разрушить мою жизнь? Или и то, и другое?

Бросив взгляд на позаимствованный у матери «блэкберри», я поняла, что пропустила почти всю первую пару; звонок на перемену должен был прозвенеть уже через десять минут.

Я решила оставить сообщение Ви и набрала ее номер.

– Приве-е-ет. Это ты, ангел? – откликнулась она немедленно своим самым сладеньким голоском. Она хотела повеселить меня, но я вдруг словно окаменела.

Ангел.

От этого слова щеки у меня вспыхнули, словно я сунула лицо в огонь. Я словно вновь оказалась в густом облаке черноты, но на этот раз было что-то еще. Физическое прикосновение – настолько реальное, что я застыла на месте. Я почувствовала легкие прикосновения к моей щеке, как будто кто-то нежно гладил ее пальцами, а потом кто-то мягко и страстно коснулся моих губ...

«Ты моя, Ангел. А я – твой. И никто не в силах этого изменить».

– Безумие какое-то, – пробормотала я вслух.

Видеть черноту – это было одно дело, а вот соприкасаться с ней – совсем другое. Это был уже совсем другой уровень сумасшествия. Нужно прекратить эти странности. Если так будет продолжаться, я реально боюсь за свой рассудок.

– Чего опять? – спросила Ви.

– Да паркуюсь вот, – быстро нашла я. – Все нормальные места заняты.

– А. Угадай, у кого сегодня первой парой стоит физкультура? Это так несправедливо! Я начинаю день, воняя, как слон в зоопарке. Неужели люди, которые составляют расписание, не знают, что люди пахнут? И они вообще представляют себе, что такое вьющиеся волосы?

– Почему ты не рассказала мне о Скотте Парнелле? – ровным голосом перебила я ее.

Мы начнем с этого места. И двинемся дальше.

Повисло напряженное молчание, которое подтвердило мои самые худшие опасения: она действительно рассказала мне не все, что знала. *Намеренно.*

– А, ну да. Скотт... – наконец неуверенно проговорила она. – Ты о нем.

– В ночь, когда я пропала, он пригнал к моему дому старый «фольксваген». Вчера вечером эта незначительная деталь выпала у тебя из памяти, да? Или ты просто не подумала, что это может быть интересно или подозрительно? Ты последняя, от кого я ожидала столь неубедительной версии событий, предшествующих моему похищению, Ви...

Я слышала, как она закусилла нижнюю губу.

– Должно быть, я кое-что опустила в своем рассказе.

– Например, то, что в меня стреляли?

– Я не хотела тебя расстраивать! – заговорила она быстро. – То, через что тебе пришлось пройти, было так ужасно. Больше чем ужасно. В миллион раз больше. А я твоя подруга... неужели я должна еще добавить тебе страданий?

– Ви!

– Ладно, ладно. Я слышала, что Скотт подарил тебе машину. Возможно, так он извинился за то, что был шовинистической свиньей.

– Объясни.

– Помнишь, когда мы учились еще в младших классах, наши мамы говорили, что если мальчик тебя задирает, значит, ты ему нравишься? Ну так вот, в том, что касается отношений, Скотт так и застрял в младшей школе.

– Значит, я ему нравилась... – с сомнением произнесла я.

Я не думала, что Ви меня снова нарочно обманывает – не сейчас, когда я поймала ее с поличным. Но очевидно, что моя мама добралась до нее раньше меня и хорошенько промыла ей мозги, внушив, что я еще слишком хрупкая и ранимая, чтобы знать правду.

– Достаточно, чтобы купить тебе машину, ага.

– А я как-то общалась со Скоттом в ту неделю перед похищением?

– Ну, непосредственно в ночь перед похищением ты влезла с обыском в его комнату. Но не нашла ничего интересного, только подвядшую плантацию марихуаны.

А вот уже кое-что.

– Что я искала?

– Я не спрашивала. Ты заявила, что Скотт чокнутый. Больших доказательств я от тебя не требовала.

Вот в этом я не сомневалась. Ви никогда не нужны были особые причины, чтобы сделать глупость. И самое печальное, то же самое относилось и ко мне.

– Больше я ничего не знаю, – добавила Ви. – Клянусь. Правда.

– Пожалуйста, никогда больше не утаивай ничего от меня.

– Значит ли это, что ты меня прощаешь?

Я злилась на Ви. Но в то же время, хоть и неприятно было в этом признаваться, я понимала ее желание защитить меня. Именно *так и поступают лучшие друзья*, нужно это признать. При других обстоятельствах я, может, даже испытывала бы восхищение ее поступком. И главное, будь я на ее месте, я, скорее всего, поступила бы так же.

– Квиты.

Направляясь в главный корпус, я лихорадочно пыталась придумать объяснение моему опозданию. Но реакция секретарши на мое появление была удивительной: она дважды осмотрела меня с ног до головы, словно не веря своим глазам, и с растерянным видом проговорила:

– О! Нора! Как ты?

Мне не понравился ее чересчур сочувственный и заботливый тон, и я сухо ответила:

– Я пришла за своим расписанием.

– Ой. Ну надо же. Прямо вот так сразу? Знаешь, никто не ждет, что ты сразу втянешься, детка. Мы как раз сегодня утром обсуждали, что, вероятно, тебе понадобится некоторое время, пара недель, чтобы... – она не сразу нашла подходящее слово, которое описывало бы то, что мне предстояло сделать. Восстановиться? Адаптироваться? – Чтобы освоиться.

У нее будто неоновые буквы на лбу горели: *«Бедная девочка! Надо бы с ней поосторожнее!»*

Я положила локоть на стойку и наклонилась к ней.

– Я готова вернуться. И это единственное, что имеет значение. Правда ведь? – И поскольку настроение у меня было не самое лучшее, я добавила язвительно: – Как хорошо, что в школе меня научили не принимать во внимание ничьи мнения, кроме моего

собственного.

Она открыла рот, а потом снова закрыла его. И стала рыться в папках на своем столе.

– Так, давай-ка посмотрим, ты должна быть у меня где-то здесь... ага! Вот, держи.

Она вытащила из папки листок и протянула его мне:

– Все правильно вроде бы, да?

Я пробежала глазами свое расписание. Углубленный курс истории США, продвинутый английский, курс о здоровом образе жизни, журналистика, анатомия и физиология, оркестр и тригонометрия. Очевидно, выбирая курсы в прошлом году, я замышляла самоубийство.

– Что ж, выглядит неплохо. – Я закинула свой рюкзак на спину и вышла за дверь.

В коридоре горели тусклые флуоресцентные лампы, которые отражались расплывчатыми силуэтами в натертых до блеска полах.

Я все время мысленно повторяла себе: это моя школа... здесь мое место... Напоминала себе, что я ученица предпоследнего класса, хотя это звучало крайне странно, ведь я не помнила окончание предыдущего класса. Ну ничего, в конце концов привыкну же. Должна привыкнуть.

Прозвенел звонок. Двери классов сразу распахнулись, и коридор наводнила толпа. Я влилась в общий поток, из которого школьники ручейками растекались к туалетам, шкафчикам, автоматам с напитками. Я шла, задрав подбородок и глядя прямо перед собой, но все равно чувствовала на себе взгляды своих одноклассников. Сначала они машинально скользили по мне равнодушным взглядом, а вот потом, когда, спохватившись, снова переводили взгляд на меня, в глазах у них вспыхивало изумление и любопытство.

То, что я вернулась, уже не было ни для кого тайной – моя история стала сенсацией в местных новостях. А теперь они могли убедиться в том, что я жива и здорова, лично. Невысказанные вопросы были написаны у них на лицах и отчетливо читались в устремленных на меня любопытных взглядах. *«Где она была? Кто ее похитил? Что с ней случилось? Какие ужасные, немыслимые вещи с ней творились?»*

И самый важный, самый животрепещущий на сегодняшний день вопрос: *«Она и правда ничего не помнит? Спорим, она притворяется? Невозможно просто взять и забыть несколько месяцев!»*

Я листала тетрадь, которую держала в руках, словно искала что-то важное. Этот жест призван был сообщать всем вокруг: «Я вас даже не замечая». Потом я выпрямилась и постаралась выглядеть как можно более безразличной. Может быть, даже отчужденной. Но ноги у меня дрожали, несмотря на все мои старания. Я почти бежала по коридору, стремясь как можно скорее достичь вожаделенного убежища.

Оказавшись в туалете для девочек, я заперлась в последней кабинке. Сползла вниз по стене и села прямо на пол. Во рту стояла горечь. Руки и ноги онемели. И губы онемели. Слезы текли по моим щекам и капали с подбородка, но я не могла шевельнуть рукой, чтобы утереть их.

Можно было сколько угодно зажмуриваться, пытаться отключить зрение, но я все равно видела их косые взгляды, осуждающие лица. Я больше не была одной из них. Каким-то образом, без всяких усилий с моей стороны, я стала аутсайдером.

Я просидела на полу кабинки несколько минут, пока не перестала плакать и не стала нормально дышать. На занятия мне идти не хотелось. Но и домой тоже не хотелось. То, чего мне хотелось на самом деле, не было возможным: вернуться назад во времени и получить еще один шанс. Прожить эти дни заново, начиная с той ночи, когда я пропала.

Едва поднявшись на ноги, я вдруг услышала легкий шепот прямо у своего уха, как будто прохладный ветерок пролетел мимо.

«Помоги мне».

Голос был очень тихий, я еле слышала его. Даже решила, что это просто мое воображение. В конце концов, единственное, что у меня хорошо получалось последнее время, так это воображать.

«Помоги мне, Нора».

Когда прозвучало мое имя, руки у меня покрылись гусиной кожей. Замерев, я напряженно вслушивалась. Этот голос... он звучал не из кабинки – в кабинке ведь не было никого, кроме меня... но он звучал и не из-за двери, не снаружи.

«Когда он закончит со мной, для меня это будет равносильно смерти. Я никогда не вернусь домой».

На этот раз голос раздался громче и настойчивее. Я подняла голову и посмотрела на потолок: казалось, он звучит откуда-то сверху, из вентиляционной решетки, например.

– Кто здесь? – тихонько позвала я.

Ответом была тишина, и я поняла, что у меня случилась еще одна галлюцинация. Доктор Хьюлетт предупреждал о них. Это все у меня в голове. Нужно просто свернуть с этого пути. Нужно изменить ход мыслей и сломать ловушку прежде, чем я в нее попаду.

Я уже потянулась к ручке двери, как вдруг в голове у меня что-то взорвалось, перед глазами все поплыло, а потом в тумане начала проявляться отчетливая картинка. Я больше не была в туалете. Вместо плитки под ногами у меня внезапно оказался бетонный пол. Над головой громоздились металлические балки, похожие на гигантские паучьи ноги. Одна стена представляла собой ряд автоматических гаражных дверей.

Итак, моя галлюцинация привела меня... На склад?

«Он срезал мне крылья. Я не могу лететь домой», – голос задрожал.

Обладателя голоса я не видела. В свете голый лампочки, болтающейся на шнуре, свисающем с потолка, был виден конвейер в центре помещения. В остальном здесь было пусто.

Конвейер заработал, помещение склада наполнилось гулом. В самом конце конвейера, куда не доставал свет лампочки, послышался какой-то лязгающий, механический звук. Ко мне что-то двигалось по ленте конвейера.

– Нет, – произнесла я, потому что это было единственное, что пришло мне в голову.

Я вытянула перед собой руки и попыталась нащупать дверь туалетной кабинки. Это галлюцинация, мама предупреждала меня, что они могут случиться. Мне нельзя поддаваться ей, нужно найти путь обратно, в реальный мир. Тем временем ужасный металлический скрежет становился все громче.

Я как можно дальше отступила от конвейера и вжалась спиной в бетонную стену.

Бежать мне было некуда, и оставалось только смотреть, как из тени на свет, грохоча и лязгая, выехала металлическая клетка. Ее прутья светились призрачным голубоватым светом, но не это привлекло мое внимание. Внутри кто-то был. Девушка, скрючившаяся, чтобы поместиться в клетке, вцепилась руками в прутья клетки, иссиня-черные спутанные волосы падали ей на лицо, почти закрывая его. Были видны только глаза – они казались бесцветными. На шее у нее висела длинная веревка, светившаяся тем же призрачным голубым светом, что и прутья клетки.

«Помоги мне, Нора».

Мне хотелось убежать. Но в сторону гаражных дверей я бежать боялась, опасаясь, что таким образом еще глубже увязну в этой галлюцинации. Нет, мне нужна была моя, собственная дверь. Дверь, которую я создам сама прямо сейчас и через нее вернусь назад в школьный туалет.

«Не отдавай ему ожерелье!» Девушка яростно трясла прутья клетки. *«Он думает, оно у тебя. Если он завладеет ожерельем, его уже не остановить. У меня не будет выбора. Мне придется рассказать ему все».*

Я чувствовала, как по спине у меня ползут ручейки пота. Ожерелье? Какое еще ожерелье?

«Нет никакого ожерелья, – сказала я самой себе. – И эта девушка, и ожерелье – плод твоего воспаленного воображения. Заставь их исчезнуть. Ты можешь. Заставь. Их. Исчезнуть».

Громко и резко зазвенел звонок.

Меня рывком выкинуло из моей галлюцинации. Запертая дверь туалетной кабинки была прямо перед моим носом.

*Мистер Сарраф полное дерьмо
Б.Л. + Дж. Ф. = Любовь*

Джаз Бэнд Рокс

Я вытянула руку и дрожащими пальцами провела по нацарапанным на двери глупостям. Дверь была абсолютно реальной. Я с облегчением выдохнула.

В туалете слышались голоса. Я было вздрогнула, но это были нормальные, обычные, возбужденные и радостные голоса. Через щелку в двери я видела, что перед зеркалом стоят три девушки. Они поправляли прически и подкрашивали губы.

– Давайте вечером закажем пиццу и посмотрим какой-нибудь фильм, – предложила одна из них.

– Нет, девочки, я не могу. Сегодня проведу вечер с Сюзанной.

Я узнала голос Марси Миллар. Она стояла посередине и скалывала свои золотистые волосы в хвост на боку розовой пластмассовой заколкой в виде цветка.

– Значит, ты променяла нас на мамочку? Хм, да ладно?

– Хм, именно. Смирись.

Обе девушки демонстративно надули губки. Эдисон Хейлз и Кэсси Суинни. Эдисон была чирлидершей, как и Марси, но однажды я слышала, как Марси призналась, что с Кэсси она общается только потому, что они живут по соседству. Их связывало только то, что они принадлежат к одному кругу и могут позволить себе похожий образ жизни. Как горошины в стручке. Очень богатом стручке.

– Даже не пытайтесь. – Улыбка в голосе Марси давала понять, что ей льстит их разочарование. – Я нужна маме. Так что сегодня девичник.

– Она, наверное... ну, ты понимаешь... в депрессии? – спросила одна из подруг, кажется, Эдисон.

– Ты серьезно?! – расхохоталась Марси. – Ей остался дом. Она по-прежнему состоит в яхт-клубе. Плюс она заставила моего отца купить ей «Лексус SC10». Это та-а-а-ак классно! И клянусь, половина одиноких парней в этом городе уже позвонили ей или даже заскочили

проведать на минутку!

Марси отмечала в воздухе каждый пункт этого списка, и галочки она ставила таким отточенным движением, что я задумалась, уж не репетировала ли она эту речь.

– Она такая красивая, – вздохнула Кэсси.

– Да уж, это точно. Кого бы там ни подцепил мой дорогой папочка, эта «новенькая» и в подметки ей не годится.

– Он с кем-то встречается?

– Пока нет. У моей мамы друзья повсюду. Кто-нибудь бы обязательно что-нибудь увидел. Что ж... – перешла она к более интересной теме, – вы слышали новости? О Норе Грей?

Услышав свое имя, я схватилась рукой за стену, чтобы не упасть, – колени у меня подогнулись.

– Ее нашли на кладбище. И говорят, что она ничего не помнит, – продолжала Марси. – Похоже, она была так напугана, что пыталась даже сбежать от полиции. Наверно, думала, что они хотят причинить ей вред.

– Моя мама говорит, что этот похититель, наверно, промыл ей мозги, – сказала Кэсси. – Вроде как внушил ей, что они женаты или что-то такое.

– Фу! – проговорили она все вместе, в один голос.

– Ну, что бы там ни было, а она теперь бракованный товар, – заключила Марси. – Даже если она утверждает, что ничего не помнит, подсознательно она все равно знает, что произошло. И ей придется теперь нести эту ношу всю оставшуюся жизнь. Ей бы стоило обернуть вокруг себя такую, знаете, желтую ленту с надписью «Не приближаться!».

Они захихикали.

Потом Марси сказала:

– Пошли в класс, девочки. У меня больше нет чистых бланков для справок. Секретарши прячут их в сейф. Шлюхи.

Я подождала подольше, чтобы убедиться, что они ушли и туалет и коридор пусты. Потом тихонько выскользнула за дверь. Быстро пройдя по коридору, я вышла на улицу, а по дороге к парковке для учащихся сорвалась на бег.

Забираясь в «фольксваген», я пыталась сообразить: с чего вообще я решила, что смогу вот так запросто вернуться к своей обычной жизни и начать все заново с той самой точки, где все закончилось.

Правда заключалась в том, что ничего не закончилось.

Жизнь просто продолжалась. Без меня.

Готовясь к ужину с Хэнком и мамой, я ограничилась тем, что надела балетки и пышное пестрое платье с неровным подолом ниже колена.

Вряд ли Хэнк заслуживал и этого, но у меня был определенный замысел. Я преследовала сразу две цели: во-первых, заставить их, маму и Хэнка, пожалеть о том, что они меня пригласили, а во-вторых, предельно ясно и четко обозначить свою позицию относительно их связи. Мысленно я отрепетировала свою речь, которую собиралась произнести громко и стоя, а закончить, выплеснув в лицо Хэнку вино из своего бокала. Да, сегодня я собиралась посягнуть на лавры самой Ее Величества Королевы Марси, а про манеры забыть к чертям собачьим.

Но все должно идти своим чередом. Сначала надо было, чтобы Хэнк и мама поверили, будто я в полном порядке и меня можно выводить в общество. А если бы я вышла из своей комнаты в черной майке с надписью «Любовь – дерьмо!» и пеной изо рта, мой план был бы обречен на неудачу.

Я провела в душе полчаса, наслаждаясь теплыми капельками, впитывая их каждой клеточкой своего тела, воспользовалась скрабом и бритвой, а потом побаловала кожу детским маслом. Маленькие царапины и синяки, которые покрывали мои руки и ноги, заживали быстро, но по ним можно было хотя бы очень приблизительно судить о том, что со мной происходило, когда меня похитили. Я была страшно грязная, вся в царапинах и синяках, когда меня доставили в больницу, и это наводило на мысль, что меня держали в лесу. Где-нибудь в далеком, укромном уголке, где на меня никто не мог наткнуться случайно во время прогулки. В каком-то настолько забытом Богом и людьми месте, что выжить и спастись у меня не было ни малейшего шанса.

Но я, по всей видимости, все-таки смогла сбежать. Как еще можно объяснить мое возвращение? Рассматривая эту гипотезу, я рисовала в своем воображении дремучие леса на севере Мэна или в Канаде. Никаких доказательств того, что меня держали именно там, не было, казалось, что это наиболее правдоподобное предположение. Я спаслась и, вопреки всему, осталась в живых. Это была моя единственная рабочая версия.

Перед выходом из комнаты я задержалась перед зеркалом, пытаюсь уложить волосы. Они сильно отросли за это время, доходили теперь до середины спины и под лучами солнца казались совсем карамельными. Меня определенно держали где-то на воздухе: кожа приобрела естественный бронзовый загар, и что-то подсказывало мне, что эти несколько недель я солярий не посещала. Мне вдруг ужасно захотелось купить себе новой косметики, но я тут же отказалась от этой идеи. Я не хотела новую косметику для новой Норы. Я просто хотела обратно ту, прежнюю.

Внизу, в холле, меня уже ждали Хэнк и мама.

Я мельком отметила про себя, что Хэнк похож на куклу Кена в натуральную величину: холодные голубые глаза, золотистая кожа и гладкие, зачесанные на косой пробор волосы. А вот в плане мускулатуры Хэнк сильно уступал Кену. В драке Кен выиграл бы стопудово.

– Ты готова? – спросила мама.

Она тоже принарядилась: надела легкие брюки из тонкой шерсти, блузку и накинула шелковую шаль. Но важнее было то, чего на ней *не было*: она в первый раз не надела обручальное кольцо. Вместо кольца на безымянном пальце виднелась тоненькая светлая

полоска.

– Я поеду отдельно, – бросила я.

Хэнк игриво приобнял меня за плечи. Раньше чем я успела вывернуться, он сказал:

– Вот и Марси такая же. Теперь, когда у нее появились водительские права, она везде желает ездить сама. – Он поднял обе руки, будто сдаваясь: – Что ж, мы с твоей мамой встретим тебя на месте.

Я с трудом удержалась от соблазна сообщить Хэнку, что мое желание ехать отдельно от них не имеет ничего общего с кусочком пластика в моем кошельке. И что более веская причина в том, что в его обществе меня начинает выворачивать наизнанку.

Я повернулась к маме:

– Ты дашь мне денег на бензин? Бак почти пустой.

– Вообще-то, – начала мама, бросая Хэнку взгляд «помоги мне», – я надеялась, что во время поездки мы сможем пообщаться втроем. Давай ты поедешь с нами, а деньги на бензин я дам тебе завтра?

Она говорила ласково и спокойно, но ее тон явственно давал мне понять: выбора у меня нет.

– Будь хорошей девочкой и слушайся маму. – Хэнк сверкнул идеально ровными, белоснежными зубами.

– Думаю, будет вполне достаточно времени за ужином, чтобы поговорить. Не вижу ничего страшного в том, что я поеду сама, – возразила я.

– Конечно, ничего страшного. Но тебе все равно придется поехать с нами, – произнесла мама. – Оказывается, у меня совсем нет наличных. Я купила тебе сегодня новый мобильник, а он не из дешевых.

– Я не могу заплатить на заправке с твоей кредитки?

Но я уже понимала, что проиграла. В отличие от мамы Ви моя никогда не давала мне свою кредитку в руки, а у меня не хватало наглости «одолжить» ее. У меня были свои деньги, и я могла бы расплатиться ими, но я решила идти до конца и не отступать. И, не давая ей сбить меня с толку, я продолжила:

– Или Хэнк. Уверена, он может одолжить мне двадцать долларов. Да, Хэнк?

Хэнк расхохотался, закинув голову, но я заметила, как раздраженно сузились его глаза.

– Да у тебя растет настоящий бизнесмен, Блайт. Что-то подсказывает мне, что твой мягкий и скромный нрав не передался ей по наследству.

Мама проговорила:

– Нора, не будь грубиянкой. Ты сейчас создаешь проблему на ровном месте. Одна совместная поездка на машине тебя не убьет.

Я взглянула на Хэнка в надежде, что он прочтет мои мысли. *«На вашем месте я бы не была так уверена».*

– Нам пора выезжать, – продолжила мама. – Столик заказан на восемь, не хотелось бы потерять бронь.

Я снова хотела возразить, но Хэнк уже открыл входную дверь, выпуская нас с мамой.

– А, вот это твоя машина, Нора? «Фольксваген»? – спросил он, глядя на дорогу. – Когда в следующий раз соберешься покупать машину, загляни в мой дилерский центр. За те же деньги я бы мог подобрать для тебя «селику»-кабриолет.

– Это подарок от друга, – объяснила мама.

Хэнк негромко присвистнул:

– Хорошие у тебя друзья.

– Его имя Скотт Парнелл, – продолжала мама, – старый друг семьи.

– Скотт Парнелл... – Хэнк задумчиво потирал подбородок ладонью. – Имя кажется мне знакомым. Я знаю его родителей?

– Его мать, Линн, живет чуть дальше, на Дикон-роуд. А сам Скотт этим летом уехал из города.

– Интересно, – пробормотал Хэнк. – И где же он может быть теперь?

– Где-то в Нью-Гэмпшире вроде. Ты знаешь Скотта?

Хэнк в ответ только покачал головой.

– Нью-Гэмпшир – очаровательное местечко, – сказал он с одобрительной ухмылкой.

У него был такой бархатный голос, что это просто бесило.

Еще больше раздражало то, что он выглядел рядом с мамой, как ее младший брат. Честно, так оно и выглядело. Большую часть его лица покрывал юношеский тонкий пушок, тон кожи просто идеальный, и практически не было морщин. Конечно, я всегда понимала, что мама, скорей всего, начнет с кем-то встречаться и, возможно, даже снова выйдет замуж, но я хотела бы, чтобы ее муж выглядел иначе. А Хэнк Миллар в своем сером шелковом костюме был похож на богатого искателя приключений.

Хэнк припарковался на стоянке позади ресторана. Мы едва вышли из машины, как мой новый мобильник зачирикал. Перед отъездом я отправила Ви сообщение со своим новым номером, и, судя по всему, она его получила.

«Детка, я у твоего дома, а ты где?»

– Встретимся внутри, – сказала я маме и Хэнку, помахав телефоном. – У меня тут эсэмэска.

Мама послала мне сердитый взгляд, в котором читалось: «Давай побыстрее!» – взяла Хэнка под руку, и они направились к дверям ресторана.

Я же взялась за ответ Ви.

«Угадай!»

«А подсказку?» – последовал вопрос.

«Клянешься, что не проболтаешься?»

«Ты еще спрашиваешь?!»

«Я ужинаю с отцом Марси».

«#?@#?!».

«Моя мама с ним встречается».

«Предательница! Если они пожениятся, ты и Марси...»

«Нет чтобы посочувствовать!»

«А он знает, что ты мне эсэмэсишь?»

«Нет. Они уже внутри, а я на парковке у «Куперсмита».

«Сволочь. «Эпплби» для него слишком прост, ясно».

«Я собираюсь заказать самое дорогое в меню блюдо. Если все пойдет как надо, я плесну его вино прямо ему в морду».

«Ха! Не трудись. Я заберу тебя. Нам нужно поболтать. Слишком долго тебя не видела. Умираю, хочу тебя видеть!»

«Все это такое дерьмо! – написала я. – Я должна остаться здесь, мама будет в бешенстве».

«Даешь мне отбой?!»

«Семейный долг. Дай мне покуражиться».

«Я уже говорила, что до смерти хочу тебя видеть?»

«Я тоже. Ты лучше всех, ты в курсе?»

«Ну так».

«Пойдем завтра на ланч в «Энцо»? В полдень?»

«Договорились».

Убрав телефон, я пересекла парковку и вошла в ресторан. Свет внутри был тусклый, декор – грубый и брутальный. Кирпичные стены, красные кожаные стулья, люстры в виде рогов... Пахло жареным мясом, телевизор над барной стойкой орал, передавая спортивные новости.

– Мои сопровождающие пришли минуту назад, – сказала я хостесс. – Столик заказан на имя Хэнка Миллара.

Она расплылась в улыбке:

– О да, Хэнк пришел только что. Мой отец частенько играет с ним в гольф, поэтому я его хорошо знаю. Он мне как второй отец. Уверена, что он очень переживал из-за развода, и как же чудесно, что он пришел не один. Я так рада за него!

Я вспомнила слова Марси, что у ее мамы везде есть друзья. И внутренне взмолилась, чтобы «Куперсмита» это не касалось – страшно было подумать, что начнется, когда слух об этом свидании пройдет по городу.

– Думаю, не все могут разделить вашу радость, – пробормотала я.

Улыбка на ее лице потускнела.

– О! Как неразумно с моей стороны. Вы правы. Уверена, что его бывшая жена точно не разделила бы. Пожалуй, мне не стоило ничего говорить. Сюда, пожалуйста.

Она не поняла, о чем я, но я решила оставить эту тему. Мы прошли мимо бара, спустились вниз по небольшой лестнице и оказались в обеденном зале. По стенам были развешаны черно-белые фотографии знаменитостей, столешницы сделаны из старых крышек корабельных люков, а про пол ходили слухи, будто его плиты были специально привезены из развалин какого-то французского замка и относились к шестнадцатому веку. Я мысленно отметила для себя, что Хэнку нравятся старинные вещи.

Хэнк при виде меня поднялся со стула. Прямо джентльмен. Если бы он только мог предположить, что я ему готовлю.

– Это была Ви? – спросила мама.

Я плюхнулась на стул и уткнулась в меню, чтобы не видеть Хэнка.

– Да.

– Как она?

– Нормально.

– Старая добрая Ви? – поддразнила меня мама.

Я хмыкнула, изображая согласие.

– Вам надо вместе провести эти выходные, – предложила мама.

– Мы уже обо всем договорились.

Мама наконец обратилась к своему меню:

– Итак... Все выглядит просто замечательно. Выбрать будет не просто. Что ты закажешь, Нора?

Я как раз проглядывала колонку с ценами в поисках самой непомерной из всех, как вдруг Хэнк закашлялся и схватился за галстук, как будто поперхнулся водой. Его глаза

расширились, словно он не верил тому, что видит. Я проследила за его взглядом и увидела, как в зал входит Марси Миллар под руку со своей матерью. Сюзанна Миллар повесила свой кардиган на антикварную вешалку у входа и проследовала вместе с Марси за хостесс к столу неподалеку от нашего.

Она села спиной к нам, и я была уверена, что она не видела нас. А вот Марси... Марси села напротив матери, потянулась к бокалу с водой, подняла глаза – и увидела нас. Бокал застыл, так и не добравшись до ее губ, а взгляд у нее стал точно таким же, как у ее отца. Она переводила глаза с Хэнка на мою мать, а потом наконец уставилась на меня.

Марси перегнулась через стол и что-то шепнула матери. Сюзанна словно окаменела.

Предчувствие неизбежной катастрофы волной двинулось от моего желудка, опустившись до самых пальцев ног.

Марси резко вскочила. Мать попыталась схватить ее за руку, но у Марси всегда была отличная реакция. Она зашагала к нам.

– Итак, – начала она, остановившись у края нашего столика. – Тихий чудесный ужин, не так ли?

Хэнк прокашлялся и бросил на маму быстрый извиняющийся взгляд.

– Можно поделиться мнением со стороны? – продолжала Марси преувеличенно беззаботно.

– Марси... – в голосе Хэнка слышалось предупреждение.

– Ты теперь свободный человек, папа, и имеешь право встречаться с кем угодно, но я бы на твоём месте была разборчивее!

Несмотря на всю ее бравладу, я заметила, что руки у Марси дрожат: возможно, от гнева, но, как ни странно, больше похоже было, что от страха.

– Я по-хорошему прошу тебя вернуться за столик к маме и с удовольствием поужинать, – проговорил Хэнк сквозь зубы. – Мы можем поговорить позже.

Не обращая ни малейшего внимания на его слова, Марси продолжала:

– Это звучит, наверно, слишком жестоко, но поможет тебе избежать лишней боли. Некоторые женщины охотятся за золотом. Им нужны только твои деньги, папа.

И она выразительно посмотрела на мою маму.

Я уставилась на Марси и сама почувствовала, какой враждебностью сейчас пылают мои глаза. Ее отец торгует машинами! Возможно, в Колдуотере это и считалось вершиной карьеры, но она вела себя так, словно у ее семьи была безупречная родословная и куча трастовых фондов! Если бы моя мама была охотницей за состоянием – уж, наверное, она выбрала кого-нибудь получше, чем какой-то торговец автомобилями по имени Хэнк.

– И «Куперсмит», папа, – добавила Марси, и в этот раз отвращение в ее голосе вытеснило беззаботность. – Это, знаешь, удар ниже пояса. Это же *наш* ресторан. Мы всегда праздновали здесь дни рождения, отмечали сделки, годовщины... разве ты не мог быть потактичнее?

Хэнк мрачно смотрел на нее и молчал.

– Это я выбрала ресторан, Марси, – тихо сказала мама. – Я не знала, что он имеет какое-то особое значение для вашей семьи.

– Не разговаривайте со мной, – рявкнула Марси. – Это касается только меня и моего отца. Не ведите себя так, будто вам есть что сказать.

– Так, ладно, я пошла в туалет.

Я встала и бросила маме быстрый взгляд, приглашая ее за собой. Это не наше дело. Если

Марси и ее отец собираются скандалить, да еще публично, – ради бога. Но я не собираюсь сидеть здесь и участвовать в этом спектакле.

– Я иду с тобой, – заявила Марси, чем застигла меня врасплох.

Прежде чем я смогла сообразить, что делать дальше, Марси уже подхватила меня за руку и потащила по залу.

– Может быть, объяснишь мне, что это значит? – спросила я, когда мы были уже достаточно далеко, и выразительно взглянула на наши сцепленные руки.

– Перемирие! – многозначительно сообщила Марси.

С каждой минутой происходящее становилось все интереснее.

– Ух ты! И как долго оно продлится?

– Пока мой отец не порвет с твоей матерью.

– Что ж, желаю тебе удачи, – отозвалась я с усмешкой.

Перед дверью туалета она отпустила мою руку, чтобы войти в узкую одностворчатую дверь. Когда дверь за нами закрылась, она быстро проверила все кабинки, чтобы убедиться, что мы здесь одни.

– Не притворяйся, что тебе плевать, – сказала Марси. – Я же видела тебя с ними. Ты выглядела так, как будто тебя сейчас вывернет наизнанку.

– И что из этого?

– А из этого следует, что у нас есть кое-что общее.

Я засмеялась, но смех вышел не веселый.

– Боишься быть со мной заодно? – спросила она.

– Скорее, осторожничаю. Я не особенно люблю получать удар ножом в спину.

– Да не собираюсь я бить тебя в спину, – нетерпеливо отмахнулась она. – Слишком все серьезно на этот раз.

– О'кей, делаю пометку: Марси коварна только в мелочах.

Она присела на край умывальника. Так она стала выше на полголовы и смотрела на меня сверху вниз.

– Ты действительно ничего не помнишь? У тебя настоящая амнезия?

Спокойно, Нора.

– Ты притащила меня сюда, чтобы поболтать о наших родителях? Или это я тебя так интересую?

Она озабоченно наморщила лоб:

– Если бы что-то между нами произошло... Ты ведь не помнишь этого? Да? Как будто и не было ничего? По крайней мере, у тебя в голове.

Я закатила глаза. Мое раздражение росло как на дрожжах.

– Так, выкладывай. Что там между нами произошло?

– Я говорю чисто... гипотетически.

Я не поверила ей ни на секунду. Скорее всего, Марси как-то сильно подставила меня перед моим исчезновением, а теперь, когда ей нужна моя помощь, надеется, что я все забыла. Что бы она ни сделала, я была почти рада, что не помнила об этом. Мне было о чем переживать и без ее оскорбительных выходок.

– Значит, это правда, – сказала Марси без улыбки, но и не хмуро. – Ты действительно не помнишь.

Я открыла было рот, но мне нечего было возразить. Если бы я солгала и меня поймали на этой лжи, – это было бы еще хуже, чем чистосердечное признание.

– Отец говорил, что ты не можешь вспомнить ничего за последние пять месяцев. Почему же твоя амнезия уходит так далеко? Почему она не начинается с того момента, когда тебя похитили?

Мое терпение лопнуло. Если я и собиралась это с кем-нибудь обсуждать, то уж явно Марси не первая в списке. Ее вообще нет в списке, и точка.

– У меня нет на это времени, Марси. Я возвращаюсь за стол.

– Я просто пытаюсь получить информацию.

– Даже если тебя это совершенно не касается? – резко осведомилась я.

– То есть... ты хочешь сказать, что не помнишь Патча?! – выпалила она.

Патч.

Это имя, сорвавшееся с губ Марси, вызвало взрыв уже знакомой мне черноты перед глазами. Эта чернота исчезла с такой же скоростью, что и появилась, но оставила след. Странное, обжигающее, необъяснимое ощущение. Как нежданная пощечина. На какое-то мгновение я перестала дышать. Огонь, прожигающий насквозь. Я *знала* это имя. С ним было связано что-то очень важное...

– Что ты сказала? – медленно произнесла я, обернувшись.

– Ты слышала, – она не сводила с меня внимательного взгляда. – Патч.

Как я ни старалась, мне не удалось убрать с лица выражение растерянности и неуверенности, которое вызвали во мне ее слова.

– Ну-ну, – произнесла Марси, и вид у нее при этом почему-то не такой уж и радостный, а ведь ей удалось застать меня врасплох.

Я знала, что нужно уйти. Но то, что со мной произошло – эта вспышка «узнавания», – буквально пригвоздило меня к полу. Может быть, если я продолжу этот разговор с Марси, память вернется. Может быть, на этот раз вспышка будет более долгой и я смогу извлечь из нее хоть что-то.

– Ты так и будешь стоять и «нукать» или все же хотя бы намекнешь?

– Патч дал тебе кое-что в начале лета, – без всякого вступления сообщила она. – Это принадлежит мне.

– Кто такой Патч?

Я наконец смогла взять себя в руки. Этот вопрос казался неуместным, но я не могла позволить Марси застать меня врасплох снова. Пять месяцев – слишком большой срок, вряд ли можно преодолеть это расстояние за время короткого визита в женский туалет.

– Парень, с которым я встречалась. Летний романчик.

Внутри у меня вскипела волна, подозрительно напоминающая ревность, но я поспешила подавить в себе это чувство. Нас с Марси никогда не интересовали одни и те же парни. Все то, что нравилось ей – наглость, невежество и эгоизм, – у меня не вызывало никакого интереса.

– И что он мне дал?

Я знала, что пропустила очень многое. Но в этот раз она зашла слишком далеко, утверждая, что *ее* парень мог дать что-то *мне*. У нас с Марси не было общих друзей. Мы не состояли в одном клубе. Мы не пересекались нигде, кроме школы. Короче говоря, у нас не было ничего общего.

– Ожерелье.

Радуюсь, что на этот раз мне не надо выкручиваться, я одарила ее триумфальной улыбкой:

– Знаешь, Марси, то, что твой парень подарил украшение другой девушке, характеризует его не с лучшей стороны. Да он тебе изменял!

Она откинула голову назад и расхохоталась так искренне, что я почувствовала беспокойство.

– Я даже не могу определить, плакать нужно или смеяться, глядя, как ты блуждаешь впотьмах.

Я скрестила руки на груди, демонстрируя раздражение и нетерпение, но на самом деле внутри у меня царил ледяной холод. Холод, который не имел ничего общего с температурой тела. И я даже не собиралась с ним бороться. У меня появилось неприятное предчувствие, что эта стычка с Марси – только начало, только первое, самое слабое испытание из тех, что ждут меня впереди.

– Нет у меня никакого ожерелья.

– Ты думаешь, что нет, потому что не помнишь. Но оно у тебя. Лежит, наверно, в шкатулке для драгоценностей. Ты обещала Патчу, что передашь его мне. – Она протянула мне кусочек бумаги: – Вот мой номер телефона. Позвони, когда найдешь ожерелье.

Я взяла листок, но не собиралась так легко сдаваться:

– А почему он сам не отдал тебе это ожерелье?

– Мы обе дружили с Патчем.

Я взглянула на нее с неприкрытым недоверием, и она добавила:

– Все когда-нибудь бывает в первый раз, не так ли?

– Никакого ожерелья у меня нет, – повторила я твердо.

– Оно у тебя. И я хочу получить его назад.

«Интересно, есть ли на свете кто-нибудь более упертый, чем Марси?»

– Ладно, на выходных у меня будет немного свободного времени, я поищу его.

– Чем быстрее, тем лучше.

– Это мое последнее слово. Или так, или никак.

Она махнула рукой:

– Почему ты всегда такая зануда?

Я изобразила милую улыбку, которой обычно заменяла средний палец:

– Возможно, я не могу вспомнить последние пять месяцев, но зато я предельно четко помню шестнадцать лет, которые им предшествовали. В том числе те одиннадцать, в течение которых мы знакомы.

– А, ну вот и полезли обидки. Самое время.

– Это дело принципа. Я не доверяю тебе, потому что ты никогда не давала мне повода доверять тебе. И если хочешь, чтобы я тебе верила, ты должна объяснить, почему я, собственно, должна это делать.

– Ты такая идиотка! Ну постарайся же вспомнить! Если Патч и сделал что-то хорошее, так это подружил нас. Ты в курсе, что ты была на моей летней вечеринке? Спроси кого хочешь! Ты была там. Как моя подруга. Патч заставил меня относиться к тебе по-другому!

– Я пришла на твою вечеринку? – в моем голосе снова звучало недоверие. Но зачем ей врать? Ведь она права, и я могу спросить у кого-нибудь. Глупо врать, если правду так легко выяснить.

Словно прочитав мои мысли, она сказала:

– Не верь мне на слово. Seriously. Спроси, у кого хочешь, и убедись сама.

Она повесила сумочку на плечо и пошла к выходу.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы собраться с духом. Недоумение, которое я испытывала, постепенно вытесняла мысль, которая не давала мне покоя: неужели это правда? Неужели ее парень – этот Патч – смог разбить копившийся между нами годами лед и подружил нас? Эта мысль казалась совершенно смехотворной. В голове крутилось только одно: «Не поверю, пока не увижу сама». Сейчас я особенно злилась на свою искалеченную память, ведь это из-за нее я оказалась в таком дурацком положении перед Марси.

И если этот Патч был «летним увлечением» Марси и нашим общим другом, то где он сейчас?

Выйдя из туалета, я заметила, что Марси и ее матери не видно. Скорее всего, они попросили пересадить их в другой зал или вообще решили уйти из ресторана. В любом случае меня это не расстроило.

А вот при виде нашего столика я замедлила шаг. Хэнк и мама держались за руки и смотрели друг другу в глаза. Он протянул руку и заложил ей выбившуюся из прически прядь волос за ухо. Она залилась румянцем от удовольствия и смущения.

Я попятилась, даже не осознавая этого. Мне чуть не стало плохо. Клише, но точнее не скажешь. Тут никакие обливания Хэнка вином не помогут. Никакие мои превращения в стерву высшего уровня.

Развернувшись, я побежала к выходу. Попросила хостесс передать маме, что меня заберет Ви, а потом выскочила из ресторана в ночь.

Несколько глубоких вдохов, и вот уже кровь не стучит у меня в висках и в глазах перестало двоиться. На небе уже появились первые звезды, хотя на западе горизонт был еще светлым от лучей недавно закатившегося солнца. Стало свежо – настолько, что я пожалела, что мне нечего накинуть на плечи, ведь я убежала слишком стремительно, оставив на спинке стула свою джинсовую куртку. Но и возвращаться за ней я не собиралась. Большим искушением было вернуться за мобильным, но раз я как-то прожила без него эти три месяца, то решила, что и еще один вечер уж как-нибудь переживу.

В нескольких кварталах отсюда был супермаркет 7-Eleven. Конечно, одной бродить по улицам ночью было не слишком разумно, но в глубине души я понимала, что не смогу прожить оставшуюся жизнь, скрываясь от опасностей и съездившись от страха. Если даже жертвы нападения акул не боятся снова купаться в океане, то и я вполне смогу пройти пару кварталов одна. Тем более что я находилась в приличной, безопасной и хорошо освещенной части города. И если я хочу победить свой страх и вырваться из его цепких лап, лучшего места и придумать нельзя.

Миновав эти шесть кварталов, я вошла в супермаркет. Звякнул колокольчик на двери. Я настолько погрузилась в собственные мысли, что не сразу поняла: *что-то было не так*. В магазине стояла пугающая тишина. А ведь я точно знала, что я не одна, я же видела головы людей через стеклянные витрины супермаркета, когда шла к нему по парковке. Как минимум четверых парней. А теперь все они внезапно исчезли. Даже за кассой у входа никого не было. А я не могла припомнить, что за кассой когда-нибудь не было продавца. Магазин словно напрашивался на то, чтобы его ограбили. Особенно когда уже стемнело.

– Эй, кто-нибудь! – Я прошла вдоль полок, на которых можно было найти что угодно – от имбирных пряников до «Драмины»^[3]. – Есть кто-нибудь живой? Мне нужно разменять деньги, чтобы позвонить.

Откуда-то из глубины магазина послышался приглушенный звук. Свет там не горел – скорей всего, этот коридорчик вел к туалету. Я прислушалась, надеясь, что звук повторится.

Учитывая все те странности, которые происходили со мной в последнее время, я боялась, что у меня начинается новая галлюцинация.

Затем я услышала еще один звук. Тихий скрип закрывающейся двери. Я была абсолютно уверена, что этот звук реален, значит, там кто-то есть и прячется. От страха у меня свело живот, и я поспешила к выходу из магазина.

За углом я обнаружила телефон-автомат и начала тыкать в кнопки, набирая 911. Я даже успела услышать гудок в трубке — всего один гудок, потому что из-за моего плеча вдруг появилась чья-то рука и нажала на рычаг, прервав звонок.

Я резко обернулась.

Он был выше меня сантиметров на пятнадцать и килограммов на пятнадцать тяжелее. Свет, идущий с парковки, был довольно слабый, но даже в нем я смогла рассмотреть парня: светлые, с рыжим оттенком волосы, стоящие от геля вертикально, бледно-голубые глаза, в ушах серьги, на шее – ожерелье из акульих зубов. Кожа в нижней части лица была воспаленной и угреватой. Черная майка-борцовка открывала накачанные бицепсы, на одном из которых красовалась татуировка огнедышащего дракона.

– Помочь? – спросил он, скривив губы в ухмылке. Парень протянул мне свой мобильник, а другую руку положил на таксофон, нарушив тем самым мое личное пространство. Улыбка у него была слишком сладкой и самодовольной. – Терпеть не могу, когда симпатичной девчонке приходится тратиться на звонок.

Я не отвечала, и он слегка нахмурился.

– Если только ты хотела сделать бесплатный звонок... – Он почесал щеку, демонстрируя глубокую задумчивость. – Но единственное место, куда ты можешь позвонить с таксофона бесплатно, – это полиция.

Теперь тон его вовсе не казался дружелюбным и ласковым.

Я сглотнула.

– Там, внутри магазина, около кассы никого не было. И я подумала, что-то случилось.

Теперь я знала, что, собственно, там случилось. Он так волновался из-за звонка в полицию по одной-единственной причине: ему нужно было, чтобы полиция была далеко. Как можно дальше. *Итак, это ограбление?*

– Позволь мне кое-что тебе объяснить, – он наклонился к моему лицу и произнес очень медленно и отчетливо, как будто внушал что-то ребенку: – Садись в машину и уезжай отсюда быстро.

Я поняла, что он не знает, что я пришла пешком. Эта мысль мелькнула у меня в голове и сразу исчезла, потому что я услышала, как за углом в переулке кто-то дерется. Там громко ругались, раздавались звуки ударов и чьи-то стоны и крики, полные боли.

Я лихорадочно думала, что мне делать. Можно было воспользоваться предложением Ожерелья-из-акульих-зубов и быстренько смыться, сделав вид, что меня здесь никогда и не было. Или можно побежать вниз по улице к ближайшей заправке и оттуда позвонить в полицию. Хотя к тому времени уже, разумеется, будет поздно: Акульи Зубы и его компания вряд ли задержатся в этом милом месте. И еще был третий вариант: остаться и предпринять очень смелую, но очень глупую попытку помешать ограблению.

– А что там происходит? – спросила я невинно, тыча в ту сторону, откуда раздавался шум борьбы.

– Посмотри по сторонам, – ответил он, голос у него был мягкий, просто шелковый. – Здесь никого нет. Никто не знает, что ты здесь. И никто не вспомнит, что ты была здесь. Так что будь хорошей девочкой, садись в свою машину и уезжай отсюда.

– Я...

Он приложил палец к моим губам:

– Я не собираюсь повторять дважды.

Голос его звучал нежно, даже флиртующе. Но взгляд был ледяным.

– Я оставила там свои ключи, там, на кассе, – выпалила я первое, что пришло мне в голову. – Когда заходила туда.

Он схватил меня за руку и поволок ко входу в магазин. Его шаги были шире моих раз в два, мне приходилось почти бежать, чтобы не отстать от него. Всю дорогу до дверей магазина я судорожно пыталась придумать, что я ему скажу, когда он поймет, что я наврала. Я не знала, как он отреагирует, но примерно могла себе представить, и от страха у меня внутри все переворачивалось.

Колокольчик над дверью звякнул за нами, он швырнул меня к кассе и одним ударом открыл ее в поисках моих ключей. Не найдя их там, он заглянул под прилавок, потом огляделся по сторонам и внезапно замер. Внимательным взглядом он окинул меня с ног до головы:

– А теперь не хочешь ли поведать мне, где на самом деле твои ключи?

Я прикидывала, удастся ли мне сбежать от него и выскочить на улицу. Прикидывала, каковы шансы, что к магазину подъедет какая-нибудь машина именно в тот момент, когда мне это будет нужно больше всего. И еще я думала: как, ну как меня угораздило уйти из ресторана без куртки и мобильного?!

– Как тебя зовут? – вдруг спросил он.

– Марси, – солгала я.

– Так вот что я тебе скажу, Марси, – он заправил выбившуюся прядь волос мне за ухо. Я хотела было сделать шаг назад, но парень крепко прихватил мое ухо. И я осталась стоять на месте, пока его палец путешествовал от моего уха к подбородку. Он взял меня за подбородок и заставил взглянуть в его светлые, почти прозрачные глаза:

– Никто не лжет Гейбу. Если Гейб говорит девушке, что надо бежать, – ей лучше бежать. А то Гейб будет сердиться. А это плохо, потому что Гейб очень неприятен в гневе. А точнее, неприятен – это мягко сказано. Ты меня понимаешь?

То, что он говорил о себе в третьем лице, показалось мне ненормальным, но я не собиралась сообщать ему об этом. Интуиция подсказывала мне, что Гейб не любит, когда его поправляют. Или спрашивают о чем-то.

– Прости.

Я не осмеливалась отвести глаза и пошевелиться, опасаясь, что он может расценить это как признак неуважения.

– Я хочу, чтобы ты сейчас же ушла, – произнес он своим обманчиво-бархатным голосом.

Я закивала, отступая. Локтем я толкнула дверь, и внутрь ворвался поток прохладного воздуха. Как только я оказалась за дверью, Гейб крикнул мне вслед:

– Десять!

Он стоял, опершись о прилавок, и на лице у него играла странная улыбка.

Я не понимала еще, что это значит, но попыталась не выдать своего замешательства и стала пятиться быстрее, не сводя с него глаз.

– Девять, – произнес он.

Теперь я сообразила: он ведет обратный отсчет.

– Восемь.

Он отлип от прилавка и сделал несколько ленивых шагов к двери. Положил ладони на стекло, а потом указательными пальцами обеих рук нарисовал на стекле сердце. Глядя на мое испуганное лицо, он хохотнул:

– Семь.

Я повернулась и побежала.

Я слышала, что к главной дороге приближается машина, и начала кричать и махать руками. Но я была слишком далеко, и машина скрылась за поворотом, даже не притормозив.

Добравшись до шоссе, я взглянула направо, потом налево и, повинувшись внезапному порыву, побежала в сторону «Куперсмита».

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Оскар Ворчун – персонаж детской программы «Улица Сезам». Живет в мусорном баке и обожает коллекционировать все ненужное. – *Примеч. ред.*

Netflix Inc – американская компания, провайдер интернет-видео, предлагает просмотр фильмов и сериалов. – *Примеч. ред.*

Средство против тошноты. – *Примеч. ред.*